

[Polaris]

С. Нариманов



БЕЛЫЙ ЯКОРЬ

Роман
приключений

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLIV



Salamandra P.V.V.

С. НАРИМАНОВ

БЕЛЫЙ ЯКОРЬ

**Роман
приключений**

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг.

Том X

Salamandra P.V.V.

Нариманов С.

Белый якорь: Роман приключений. Рис. Г. Бершадского (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Том X). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 150 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLIV).

В новом выпуске серии «Polaris» – уморительный и редкий образчик литературы «красного Пинкертона», роман С. Нариманова «Белый якорь». Коварным диверсантам и вездесущим шпионам постоянно разлагающейся в шантанах и на панелях Константинополя белой эмиграции противостоят гениальный сыщик советского угрозыска и его недотепа-помощник. Погони, переодевания, перестрелки и приемы джиу-джитсу – в комплекте.

С. НАРИМАНОВ

БЕЛЫЙ
ЯКОРЬ

РОМАН



БЕЛЫЙ ЯКОРЬ

С. НАРИМАНОВ

БЕЛЫЙ ЯКОРЬ

РОМАН ПРИКЛЮЧЕНИИ

Рисунки художника Г. БЕРШАДСКОГО

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ

МОСКВА 1925

САПОЖНЫЙ ГВОЗДЬ

I

Отступление

Давно на пристани южного портового города С. не было такого оживления...

Потные грузчики, уличные торговцы, сонные греки с четками, лодочники в своих вязаных костюмах и фесках, крики ломовиков, отдельные выкрики благовоспитанных дам и вылощенных молодых людей — все смешалось.

На палубе парохода «Грозный» с скупающим видом разгуливали матросы, регулируя посадку войск.

Публику на пароход пока не пускали.

Эвакуировалась армия отступающего за море неприятеля, под командой бывших офицеров; отступала в Константинополь... На пароход небрежно грузили военное имущество, и тут же несколько солдат бережно несли большие сундуки, кожаные чемоданы и портпледы господ офицеров.

Белая армия кончилась, кончилось последнее издыхание — «христолюбивого русского воинства».

Тут же около трапа стоял вылощенный генерал Хвалынский и, растягивая команду, кричал на солдат, поднимающихся по трапу.

— Не задерживай-сь! Не толпись!

Солдаты со злыми лицами, забыв всякое чинопочитание, «крыли» друг друга крепкими словами. На мостике «Грозного» капитан Хиггинс говорил первому штурману:

— Эти русские свиньи не умеют ходить по земле, а с них требуют, чтобы они подымались по трапу.

Посадка солдат окончена. Потянулась длинная вереница «штатских».

Пристань пустела... Вся кипучая жизнь пристани пере-

неслась на пароход, на палубу, в, каюты, в трюм...

«Почетные» места в трюме были предоставлены солдатам отступающей армии, в то время как фешенебельные, уютные каюты заняли господа офицеры с семьями, сиятельные «Коко» и «Вово», старые графини и княгини со своими болонками, мопсами, попугаями, сундуками, чемоданами и прочим ненужным скарбом...



Это называлось на языке офицеров «планомерное отступление».

Команда «Грозного» не пожелала разделить «почетную участь белых солдат» в трюме и сошла с судна, присоединив свои силы к силе наступающей красной армии.

Красная армия заняла десятиверстную окраину города. Уже в тылу ее организовался Ревком.

Уже Ревком раздал оружие...

Уже на площади целый час длится

митинг.

Но город... город...

Пустой... притаившийся... таинственный... безлюдный был без власти.

Мелкий торгаш закрыл свою лавочку...

Буржуй смиренно убеждал, что если он и богат, то не грабежом, — «а своим трудом, в поте лица зарабатывал хлеб — и заработал, десять процентов откладывая, а 90% пускал в оборот».

Крови чужой не пил — никому зла не причинил.

II

Совершенно спокойная беседа

Итак, город умер... На улицах у калитки стояли бабы и судачили на все лады...

— И — и как вдарил... Мать пресвятая богородица.

— Не можете ли сказать, где здесь сапожник Холмогоров?

— Холмогоров?... А вот здесь во дворе за угол, — ответила баба.

Молодой человек вошел во двор, завернул за угол и очутился перед лестницей, ведущей в подвальное помещение; спустившись несколько ступенек, он ткнул ногой в дверь, она распахнулась, и он вошел в сырую темную комнату, освещенную висячей лампой.

— Работаете? — спросил молодой человек.

— А что мне делается? Я рабочий — мне бежать незачем — пусть бегут, у кого морда в грязи.

— Я вот за ботинками пришел?

— А как ваша фамилия?

— Скворцов.

— Скворцов? Чтой-то не помню.

— Вы шутите, конечно?

— Мне шутить незачем. Идите своей дорогой, господин. Шляются тут, а потом вещи пропадают...

— Да вы, оказывается, не из трусливых? Будьте добры, товарищ...

— Какой я вам товарищ!... Пока еще господа. Чего вы мне душу-то мотаете?!

— Послушайте, мои ботинки у вас в починке — я хочу их получить!

— Я у вас принимал?

— Нет.

— Ну, так ищите того, кто принимал.

— Да ваш подмастерий.

— А его нет — он на пристани...

Скворцов понял, что он тут ничего не добьется, сел на стул и, заложив ногу на ногу, закурил папироску. Сапожник злобно посмотрел на Скворцова.

— Курите?

— Курю, — пробормотал сапожник и благосклонно принял папиросу от Скворцова.

— Пьете?

— Не пью, — спокойно ответил Скворцов.

Сапожник из под стола вытащил бутылку...

Опрокинул в рот горлышко...

Забулькало... Сплюнул... Затянулся и изрек:

— Ваши ботинки не готовы... Приходите завтра утром. Придет мой подмастерий — тогда разберем...

Скворцов улыбнулся:

— Спасибо... — и протянул руку.

— Так вы в самом деле товарищ?

Скворцов потряс ему руку.

— Вы говорите, что подмастерий ваш на пристани? Пойду поищу...

И он вышел.

— Тьфу, — сплюнул сапожник, когда хлопнула наружная дверь, — не то шпик, не то товарищ — не поймешь!

Скворцов быстрыми шагами шел по улицам вымершего города.

III

Безумный прыжок в неизвестность

Большие стеклянные витрины не привлекали ни светом, ни товаром.

Шаги Скворцова гулко отдавались... Изредка приоткрывались ставни, обыватель с удивлением смотрел на храбrega.

Вот и пристань.

«Грозный» еще не уходил.

Море успокаивалось и только изредка большая волна набегала, стараясь слизать палубу...

Тщетные усилия! Она бесцельно разбивалась о борт старого транспорта...

Казалось — все спокойно...

Ушедшую русскую команду заменили иностранные матросы. Командовал иностранный капитан...

Сходни еще не были убраны.

У самых сходень стоял молодой парень лет 17-ти, мечтательно глядя на паром.

— Не решили еще?

— Чего это? — обернулся парень.

— Хотите уезжать?

— Не-е-т, — протянул парень.

— Вы разве меня не узнаете? — спросил Скворцов.

— Узнаю!

— Я за вами — хочу свои ботинки получить.

— Что ж, можно!

— А они готовы?

— Готовы — только вот осталось...

Не успел договорить парень, как сходни стали подниматься, какой-то оголтелый офицер столкнул плечом парня, помчался к сходням, но поздно.

Упал в воду.

Заревел паром... Побелела вода... Полетели брызги... Офицера не видно...

— Ха, ха, ха, ха... вот она, собачья смерть, — кричал, смеялся парень...

Но, видно, офицеру не суждено было погибнуть. Он схватился за поднимающийся якорь, дико, безумными глазами озираясь по сторонам.

На носу «Грозного» развевался трехцветный флаг. Паром уходил...

В удобных каютах усердно крестились офицеры и их дамы, тогда как в трюме, в этой мерзости, грязи и духоте поместившиеся кое-как солдаты, понуря головы, молча пе-

реживали состояние людей, делающих безумный прыжок в неизвестность!...



IV

Неприятная неожиданность

Шикарный табль-д'от.

Белоснежные накрахмаленные скатерти... Дорогая сервировка... Изысканные блюда гармонировали с выложенными офицерами...

Цыганский хор страстно выводил «Час роковой»...

И когда последняя нотка цыганки замерла...

Прилизанный румынский оркестр заиграл фокс-трот.

Пары закачались, скользя по-утиному...

Пробки шампанского обстреливали потолок...

Бесстрастные глаза офицеров иностранного командования скользи-

ли по танцующим...

А старые графини и княгини в своих каютах вызывали души умерших, ища спасения своих майоратов в предсказаниях предков...

Так безумствовала отступающая белая братия...

Повисший на якоре офицер, переодевшись в другое платье, цедил слова.

— Я как Петроний! Я люблю народ, но не могу войти в гущу его... От них дурно пахнет! О-о-peuple! — это ужасный институт...

— Ах, да, институт! — перебила его жена Хвалынского, — есть в этом Константинополе институт красоты?...

— Я не знаю... но красивые турчанки...

— О yes! — процедил бесстрастный англичанин.

Всю ночь напролет пьянство продолжалось...

Уже наступило утро...

Группа офицеров во главе с Хвалынским сошли в трюм произвести перепись трюмных пассажиров.

Люди поодиночке подходили к столу, называли свою фамилию.

К столу подошла молодая девушка.

Хвалынский посмотрел на нее:

— Как фамилия?

— Винокурова, Татьяна.

— Вы отправитесь в распоряжение моей жены...

— Я не могу... Я с женихом.

— Кто ваш жених?

— Дроздов.

Дроздов встал рядом с Таней Винокуровой.

— Она моя невеста...

Не успел Дроздов окончить фразы, как мясистая рука генерала Хвалынского шлепнула по лицу Дроздова.

Дроздов рванулся на Хвалынского.

Его схватили и оттащили от стола.

— Отобрать у всех оружие, — крикнул генерал Хвалынский и ушел вверх по лестнице.

Солдаты молча сдавали оружие.

Дроздов схватил свою винтовку и выбросил в море.

Два жандарма подошли к Винокуровой, и она в сопровождении их вышла на палубу.

С этого дня началась служба Винокуровой у Хвалынских.

Вечером этого же дня офицеры пороли Дроздова шомполами.

Уныло созерцали тяжелую картину солдаты...

И ласково ухаживали за Дроздовым, когда он в лихорадке, с посиневшими рубцами на спине, покрытый шинелью, лежал на носилках.

Генерал Хвалынский в компании полковых дам и своих адъютантов ужинал.

Сонно наигрывал румынский оркестр какой-то страстный мотив.

Скусающие цыгане сновали по палубе парохода...

В трюме готовился план бунта...

— Перебить офицеров и повернуть обратно домой...

Вот лозунг трюмных обитателей.

Откуда-то появились наганы, винтовки, шашки, штыки.

Обитатели «Грозного» спали.

Солдаты молча готовились к нападению...

Их предавал жандарм.

Крот рыл яму.

Хвалынский, нахмутив брови, слушал доклад.

Приказал будить офицеров...

А между тем в трюме поспешно раздавали оружие... Распределялись роли...

Как всегда, в куче солдат немедленно нашлась горсть отчаянных смельчаков, которые решили взять на себя первый почин нападения...

Кипела работа!

Генерал Хвалынский с мрачным лицом, но в неизменно элегантной позе стоял со стеклом в руке у стола обширной кают-компаний.

Сонные офицеры, еще не очухавшись от недавнего кутежа, поспешно входили... Кланялись коротким военным поклоном, вытянувшись во фронт — отходили в сторону и садились.

Генерал Хвалынский заговорил, скандируя слова:

— Господа офицеры! Я получил донесение: нижние чины в трюме готовят бунтарское выступление... Будь мы на суше и на своей земле, я не собирал бы военного совета, а отдал бы короткий приказ: подавить мятеж вооруженной силой...

Генерал Хвалынский оглядел всех офицеров, перевел дух и, нахмутив брови, закончил:

— Но мы теперь экстерриториальны, мы на борту транспорта с иностранным командованием. И потому мы должны прежде всего обратиться к командному составу судна.

Совет поспешно согласился. В головах «господ офицеров» еще шумел недавний фокс-трот вперемежку с румынским оркестром и цыганским пением...

И вдруг этот — бунт... Какая неприятная неожиданность! Какая тревожная ночь!...

V

О том, чего не захотели иностранные матросы

А в море была тишина...

«Грозный» плавно скользил по тяжелым темным волнам, окрашенным в серебристый цвет широкой лунной полосой...

У носа пенилась белая накипь, а за кормой тянулся длинный блестящий след...

Иностранец-командир выслушал доклад генерала Хвалынского о готовящемся бунте с чисто британским хладнокровием.

Ни одна черта его обветренного, бритого лица не дрогнула.

Он бросил несколько отрывочных английских слов своему старшему помощнику.

— Олл райт, — отчеканил помощник, козырнул и ровным шагом вышел из кают-компаний.

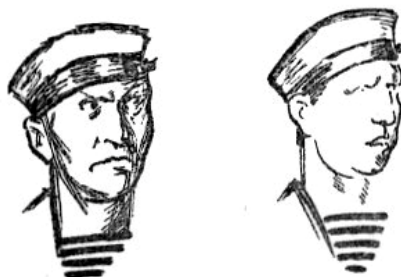
Наверху засвистел боцманский свисток.

Всю команду вызывали наверх.

На баке была выстроена иностранная команда «Грозного».

Капитан говорил им речь; отрывисто, точно выплевывая слова, он сообщает команде о готовящемся бунте. И

призывает, приказывает им оказать должное сопротивление вооруженной рукой.



В стороне стоит генерал Хвалынский во главе группы офицеров.

Все впились глазами в ряды иностранных матросов, спешно собранных чуть не в последний момент перед отходом парохода.

И ждут, ждут...

Иностранная пароходная команда стоит молча, с нахмуренными лицами.

Капитан посмотрел на свою команду, как укротитель на зверей. И лицо его постепенно покрывается багровой краской, которая ползет по толстой шее и постепенно заливает все лицо.



Сзади командира выросли две бесстрастные фигуры помощников с револьверами в руках...

Напряженная тишина...

Только слышно, как мерно работает винт, да тяжелые волны бухают у борта транспорта.

Фронт дрогнул.

И вдруг все, как по команде, молча... разошлись.

Через минуту на палубе обширного бака остались капитан с двумя помощниками, генерал Хвалынский с группой офицеров и несколько боцманов с смущенными физиономиями.

Командир с багровым лицом повернулся к генералу Хвалынскому и сердито процедил по-английски:

— Это пассивное сопротивление... Проклятая большевисткая пропаганда проникла и в наши ряды.

Генерал Хвалынский криво усмехнулся:

— Очевидно...

Командир высыпал целый град английских ругательств и бросил короткий приказ своим помощникам.

Помощники бросились к боцманам и быстро скрылись вместе с ними.

В кают-компании опять собрался совет уже под председательством командира транспорта.

Прибывшие помощники сообщили, что команда решила остаться нейтральной.

— Мы не желаем расстреливать русских солдат, — резюмировал решение их выборный, — но не хотим оказывать сопротивление командиру.

Матросы английского флота хорошо знали, чем пахнет для них неповиновение командиру на море.

И предпочли середину:

— Оставьте нас в покое.

В этом случае, по морским законам, их ждало лишь дисциплинарное взыскание.

Тогда решено было на совете организовать сопротивление своими силами.

Работа закипела.

VI

Бунт

А в трюме, когда услышали боцманские свистки, решили, что наверху уже принимают меры.

На море было тихо. И незачем было «свистать всех наверх» для большой авральной работы.

Медлить было нельзя.

Среди группы смельчаков сразу выделился вожак.

Это был высокий молодой солдат в красной рубашке с возбужденным лицом.

— Ребята, — громко говорил он, — главное — не выдавай. Дружно. Как один — все. Куда нас ведут как скотов? Туркам в кабалу? Не хотим.

Кругом слышались взволнованные крики.

— Не хотим! Веди!

— Товарищи! — зазвенел голос вожака.

— Мы быстро справимся с офицерами. Ведь это пьяная слякоть! Иностранная команда нас не тронет... Слышите?.. Это уже я постарался... Они в стороне будут, ни за нас, ни за них... Верно!

От этой вести настроение сразу поднялось до градуса кипения.

— Веди!... Веди!!

Ревели сотни голосов. Все теснились к дверям, наглухо запертым и охраняемым снаружи взводом жандармов.



— Товарищи! — напрягая все силы голоса, кричал высокий солдат... — Слушайте последнюю команду: баб и детей не трогать, первым долгом генерала за борт, офицеров старших за ним — к чертовой матери... Младших вяжи, стреляй, если будут сопротивляться...

— Правильно!

— Всех к чертовой матери!,

— Господа — одним миром мазаны!

Из хаоса голосов опять выделился звенящий металлом голос вожака.

— Товарищи! Помните: мы не разбойники, мы революционеры... Зря крови не лей, врагу пощады не давай... За мной...

Затрещали двери под напором мускулистых плеч.

Вся лавина возбужденных людей выкатилась из трюма.

Первые выстрелы последовали от взвода жандармов — их смяли в момент и тут же выбросили за борт.

Лавина ринулась на верхнюю палубу и здесь встретила полную, подозрительную тишину и пустоту.

На секунду остановились. И с диким криком рассыпались по широким коридорам офицерских помещений.

Сквозь крики, стоны и одиночные выстрелы вдруг выделился четкий ритм пулемета.

Одну секунду его покрыл бешеный рев людей.

На палубу вытащили нескольких офицеров с сорванными погонами, растерзанными мундирами.

В воздухе замелькало несколько бросаемых за борт фигур в мундирах...

И сквозь весь этот шум опять выделился четкий ритм пулемета, прерываемый стонами раненых...

В проходе широкого коридора стояла эта небольшая злоедающая машина и ровно делала свое разрушительное дело. На корточках, за щитом около пулемета, сидел низенький артиллерийский офицер в очках и методично вертел ручку, направляя дуло во все проходы.

Два молодых офицера были у ленты.

Вся солдатская толпа ринулась из прохода на палубу, оставив кучу убитых и раненых.

На палубе внезапно затрещали пулеметы сверху.

И свинцовый дождь начал поливать всю обезумевшую толпу с мачт транспорта.

Высокий вожак в растерзанной рубашке, залитый кровью, собрал своих смельчаков, уже значительно поредевших, и открыл отчаянную стрельбу из винтовок и револьверов по пулеметам.

Внезапно с командного мостика затрещал новый пулемет — это иностранное командование со своего поста обстреливало неприятеля, направляя всю силу огня в группу смельчаков.

Высокий вожак упал, пронизанный пулями, дрогнула кучка смельчаков...

Люди валились один за другим.

И внезапно всей возбужденной толпой овладела паника.

Бросали оружие. И бежали.

Тут выяснилась система офицерской обороны.

Соединенные усилия пулеметов загоняли всю обезумевшую толпу опять назад в трюм...

Вскоре палуба опустела... Всюду валялись трупы убитых, стонали раненые, ползали недобитые...

Тогда из своих засад вышли «победители» во главе с генералом Хвалынским.

— Мятеж подавлен! — резко крикнул генерал. — Господа офицеры, — прошу принять на себя все посты часовых...

Генерал был бледен как смерть и все его лицо дрожало мелкой дрожью.

А море было все так же спокойно и величаво...

И транспорт «Грозный» шел все тем же мерным ритмом.

Горизонт окрасился бледно-розовой полосой, и вскоре на темно-зеленую поверхность тяжелых волн выкатился первый яркий сектор восходящего солнца.

Еще несколько минут и вся темно-зеленая масса окрасилась ярко пурпурными тонами.

На палубе шла тяжелая, смрадная работа, которую выполнял весь командный состав белой армии — шла уборка

трупов побежденного врага.

Это была действительно «авральная работа»...

Часа три возились «господа офицеры» младшего состава под руководством апоплексического капитана Панкратова над уборкой трупов, которые валялись по всем загоулкам обширного транспорта...

Десять пулеметов Гочкиса поработали на славу!

Вместе с трупами бросали в воду и тяжелораненых, которые не могли уже сами уползти в спасительный трюм.

— Еще возиться с этой сволочью... — коротко резюмировал капитан Панкратов.

И распорядился выдать всем «господам офицерам», принимавшим участие в этой тяжелой «авральной работе», из походного цейхгауза специальные брезентовые куртки...

Царских мундиров не хотелось пачкать этой кровью...

VII

Фокс-трот... до бесчувствия

Когда солнце высоко взошло и залило своими яркими лучами весь транспорт — все трупы были уже убраны.

И тогда появились иностранные матросы с хмурыми лицами под командой боцманов с помпами в руках... Началась основательная чистка палуб от всех кровавых пятен этой тяжелой ночи.

В трюме царило самое подавленное настроение...

Военный врач с тремя фельдшерами обходил койки с ранеными, стонущими, умирающими людьми. И спешно давал указания фельдшерам.

Те молча и утрумо выполняли приказания.

— Примите меры антисептики, — отрывисто бросал врач, спешивший выйти из этого ада, — операции будем делать в Константинополе... Где же здесь?

И он сердито оглядел весь тесный трюм, переполненный людьми.

А наверху уже опять гремела музыка.

Румынский оркестр в десятый раз исполнял гимн «боже царя храни».

Генерал Хвалынский с целым цветником красивых дам пил шампанское.

По коридорам усиленно бегали денщики, наряженные пароходными «стюартами», и дюжинами таскали «поме-ри-сек», «креман-розе» и прочие шампанские марки.

Разливанное море. Забыты все страхи «ужасной ночи».

Дамы просят им рассказать «подробности».

Полупьяные «господа офицеры» охотно выполняют эти просьбы.

— Мы взяли их как зайцев на облове...

— Ха! Ха! Ха!

— Особенно отличался наш многоуважаемый Валерьян Михайлович. Он поставил пулемет за углом коридора и поливал их оттуда как из лейки...

— Ха! Ха! Ха!

— Недаром он лучший инструктор по пулемету...

— Где же иностранный командный состав? Надо бы их просить...

— Представьте — отказались прийти на наш праздник. Это, — говорят они, — нас не касается...

— Ах, эти англичане! Но ведь и они стреляли?

— Ну конечно, с мостика засыпали пулями.

— Скажите... Это очень мило с их стороны... Господа! За здоровье англичан...

— Английский гимн!!

Румынские музыканты спешно ищут ноты английского гимна... Предусмотрительный дирижер захватил с собой ноты всех гимнов Антанты.

Раздаются звуки «Рулл Британия».

И немедленно на мостике у перил появляется фигура командира и двух английских морских офицеров.

И замирают в почтительной позе — рука у козырька.

А снизу несутся нестройные крики:

— Хип! Хип! Ура!

И тянутся руки с бокалами шампанского, расплескивая золотистую влагу.

Дрогнуло деревянное лицо командира. Неторопливо опускается он вниз по лесенкам к пирующей компании.

Его встречают овациями. Дамы бросают ему цветы. Несколько офицеров наперерыв кидаются к нему с бутылками шампанского.

А оркестр оголтелых румын с какой-то яростью уже играет ернический фокс-трот...

Завертелись пары на вычищенной палубе. Из дальнего угла донеслось разухабистое цыганское пение и взвизгивание цыганок...

Генерал Хвалынский с красным лицом, слегка пошатываясь, подошел к английскому командиру и чокается с ним. И пьет.

Опять крики «ура»... И опять требование гимна.

Окончательно обалделые румыны уже играют какую-то мешанину из гимнов — русского и английского. Их успели также напоить.

В стороне от этой веселящейся компании стоит маленький артиллерийский офицер и сердитый доктор.

Оба трезвые.

— Вот так мы и пропили все наше дело, — тихо говорит маленький артиллерист. — Чуть что — сейчас вдребезги все напьются... Скоты!

Доктор сердито засопел носом.

— Черт знает, что за безобразие... Ведь у меня внизу полтораста раненых... Половина перемрет, пока в Константинополь приедем.

Артиллерист холодно усмехнулся.

— Нашли о чем заботиться... Пушечное мясо!

И он презрительно повел своими близорукими глазами в сильных очках.

На горизонте вырисовываются неясные силуэты берега... Как из сизого тумана выползают тонкие иглы минаретов, ослепительно-белые на густо-голубом небе.

— Константинополь... — говорит артиллерист, глядевший вдаль в сильный морской бинокль.

На транспорте оглушительно заревела и залаяла морская сирена. И в этом звуке потонуло все...

Впереди показалось дозорное судно под английским флагом — миноносец шел на полном ходу, перерезая курс «Грозному» среди белой пены моря.

Запестрели сигналы на высоких мачтах.

Судно приближалось к рейду Золотого Рога.

VIII

Партия свиней выслана

Очень скоро после отхода «Грозного» из порта большой приморский город С. был уже занят войсками Красной армии.

И тут же быстро был установлен революционный порядок.

Закипела другая жизнь. Куда-то спрятался весь «буржуазный элемент». Улицы, доселе пустынные, ожили и запестрели тем народом, для которого приход красных был истинным праздником.

На всех уличных перекрестках показались типичные фигуры красноармейцев с винтовками — запыленных, усталых, но с радостными, оживленными лицами.

А около казарм, куда только что вошла и расположилась сильная красноармейская часть, уж звенела гармоника и звучала заливистая песня:

— Пароходики бегут.
Вода кольцами.
Будем рыбку мы кормить
Добровольцами!

Итак, снаружи все было благополучно — как будто никогда в этом веселом портовом городе и не существовала власть белых.

Но контр-революция не дремала.

В задних помещениях фешенебельного особняка, законченного и как будто пустого с переднего фасада — шли поспешные приготовления.

Несколько лиц, которые еще недавно фланировали по городу в очень элегантных костюмах — теперь были неузнаваемы: в поддевах, рубашках, косоворотках, с грязными, небритыми щеками, они отлично загримировались «под пролетария».

И теперь в отдаленной беседке в глухом уголке обширного сада идет совещание контр-разведки ушедшей белой армии.

Идет доклад полупшепотом, с оглядкой:

— Карасев поступил писарем в штаб Реввоенсовета.

— Семенчук принят сторожем в политпросвет.

Тут же составлен план действий. Даются самые точные инструкции.

Докладчик продолжает:

— Сегодня в Реввоенсовете шло обсуждение очень важных стратегических вопросов. Составлены планы обороны города на случай нападения. Все планы и документы хранятся в кабинете начальника.

— Сколько часовых?

— Трое внизу. Один наверху.

В ту же ночь двое служащих Реввоенсвета из подпольной организации белых спрятались в здании. Проникли в помещение начальника и выкрали все документы.

Наутро трое часовых найдены мертвыми, без всяких признаков насилия.

— Удушены каким-то газом... — говорят призванные врачи, — состав нам не известен.

А на заре таинственные убийцы уже пробрались из глухого места берега на шлюпке к иностранному пароходу.

И исчезли на борту этого парохода, бросив шлюпку на произвол моря. Через час снялся с якоря иностранный па-

роход под румынским флагом и исчез из вида раньше, чем полная заря занялась над городом С.

Через два часа после обнаружения пропажи документов удалось напасть на следы похитителей.

Одновременно исчезли и двое служащих Реввоенсовета. Самая тщательная слежка привела к таинственному комфортабельному особняку.

Но особняк оказался совершенно пустым, если не считать дряхлого старика, глухого и полуслеплого, жившего в сторожке «за сторожа».

На все вопросы старик лишь шамкал:

— Не знаю, родимый... Кабыть никто и не жил. Господа давно уехали...

Долго бились с стариком. Хотели его взять, да пожалели: удушье такоехватило его, что чуть не помер.

Так и бросили.

Когда ушли, наконец, из сторожки все допрашивающие люди, дряхлый сторож выпрямил согнутую спину и облегченно вздохнул.

Кашель и удушье сразу прошли, и он не без удовольствия затянулся крепкой сигарой, тихонько посмеиваясь в свою клочковатую бороду.

Через полчаса после этого из той же сторожки вышел средних лет человек, гладко выбритый, в черной поддевке и черном картузе — с виду не то актер, не то комиссионер по закупке скота.

Это был знаменитый за рубежом шпион Клоссинский, которому поручена была организация разведки в оставленном городе С.

Сегодня он сильно рискнул, загримировавшись стариком-сторожем. Но риск был в его натуре.

Клоссинскому удалось раскинуть уже довольно обширную сеть шпионажа в городе. Сюда входили люди самых разнообразных профессий: артистка шантана, швейцар гостиницы, продавщица литературы на вокзале, железнодорожный будочник, хозяин при портовом кабачке, бывший директор акционерного общества, ныне служащий финотдела Совета, несколько служащих из мелких, на которых

не было обращено особого внимания, и несколько лакеев из оставшихся бывших офицеров, поступивших в рестораны по особой инструкции.



Клоссинский, не торопясь, добрался до городского телеграфа и, скромно выждав очереди, когда принимали частные телеграммы, телеграфировал в Константинополь торговцу Кара-Мустафе следующие несколько слов:

— Партия свиней выслана.

Так извещал главный агент контр-разведки белых организацию «Защиты родины» в Константинополе о том, что поручение их исполнено в точности: все планы добыты и отправлены по назначению.

IX

Странные стуки

Уже битый час Скворцов находился в подвале у сапожника и вместе с подмастерьем разыскивал злосчастные ботинки.

Холмогоров изредка озирался на них и бормотал какие-то невнятные слова.

— Да вы что, обыск учиняете?

— Немного терпения, господин Холмогоров.

— Нет у меня терпения — вот и все, — огрызнулся Холмогоров. — Мне надо на крестины идти — и запирать мастерскую.

Жуков перестал искать ботинки Скворцова и поспешно принялся исполнять приказание хозяина.

Скворцов отошел от груды готовой обуви, сел на стол и закурил папиросу.

Тем временем Холмогоров подставил голову под кран и фыркал под холодной водой, изрыгая то и дело ругательства.

Скворцов решил быть настойчивым и добиться расположения Холмогорова.

— Я с удовольствием вам заплачу за ботинки, которые я не получил, но с тем, чтобы вы разрешили искать.

— Не нужны мне ваши деньги.

— Не может этого быть — ведь вы идете на крестины...

— Оно, конечно, правда, — размяк Холмогоров,

Скворцов тотчас же вынул бумажник, отсчитал деньги и вручил Холмогорову.

Холмогоров принял деньги, как должное, положил в карман, надел фуражку и, задержавшись в дверях, сказал:

— Когда будете уходить, ключи положите на косяк двери, — и скрылся в темноте.

В сапожной мастерской остались Жуков и Скворцов.

— Ну, а теперь надо действовать. Ты видишь вот эту штучку? — улыбаясь, показал Скворцов револьвер.

Жуков с любопытством посмотрел на блестящий предмет и со страхом выжал слово — «вижу».

— На тебе другой такой же. Положи его в карман. Выйди из мастерской, запри за собой на ключ дверь и положи ключ на косяк, как сказал хозяин, а сам обогни дом, подходи к окну — я его открою — и лезь обратно в окно.

Жуков беспрекословно стал исполнять приказание Скворцова, помимо воли подчиняясь повелительному тону Скворцова.

Скворцов, оставшись один в мастерской, надел на себя фартук Холмогорова, спутал волосы, выпачкал руки и, присев на кожаную табуретку Холмогорова, взял недоконченный сапог и стал стучать по подошве молотком.

В окне раздался стук.

Скворцов открыл, и в мастерскую прыгнул Жуков.

Жуков был побежден.

Перед ним стоял «барин» в фартуке сапожника, грязный, со спутанными волосами, грязными руками и лицом.

— Теперь, дружок, возьми и начинай заниматься делом. Не слушай моих разговоров, а исполняй мои приказания — на этот вечер я буду твоим хозяином, а ты моим подмастерьем.

Жуков молчал, боялся и был удивлен.

Мысли у него путались, и вместе с тем чувствовал неловкость в кармане от блестящего предмета, переданного ему Сковрцовым.

— Скажите, Жуков, богатые заказчики у вашего хозяина?

— Да разные ходят, кто их разберет?

— А заказы кто принимает? Хозяин или вы?

— Это моя обязанность.

— Выходит так, что вы работаете больше, чем хозяин?

— Да, уж, конечно, на то и хозяин!

— Но ведь, насколько я заметил, хозяин здесь мало сидит.

— Да, он не бывает.

— Что ж, ведь он вас часто отпускает, как тогда на пристань, и сам не сидит — кто же работает?

Жукову показались странными вопросы, задаваемые этим чудаком-барином, и он решил больше не отвечать на вопросы барина.

— Это дело не наше, — отрезал Жуков.

Сковрцов исподлобья посмотрел на Жукова и решил тоже молчать.

Так они молчали — занятый каждый своими мыслями. В окно постучали.

Жуков, наэлектризованный, нервно рванулся со своей скамьи, но сильная рука Сковрцова усадила и удержала Жукова.

— Вы забыли, дружок, уговор, — спокойно сказал Сковрцов.

В окно опять раздался стук.

Скворцов ниже наклонился к сапогу и изо всей силы стал стучать молотком о подошву.

Жуков безапелляционно решил: «мазурики».

Прошло несколько томительных минут.

В окно больше не стучались...

— Вы стрелять умеете?

— Не приходилось! — ответил сдавленным голосом Жуков.

— Выньте револьвер — я покажу вам, как надо обращаться с ним.

Жуков вытащил блестящий браунинг и передал Скворцову.

— Вот видите, — разрядил револьвер Скворцов, — револьвер без пуль. Вот эту штучку надо вставить в рукоятку — перетянуть дуло и нажимать собачку — револьвер будет стрелять. Имейте его при себе — это вам всегда пригодится — но прибегайте к нему только тогда, когда на вас нападают,— с этими словами Скворцов передал револьвер Жукову...

Как вдруг в двери легко постучались.

Вновь Жуков сделал движение и вновь Скворцов посадил его на место.

В двери еще раз постучались.

Жуков стал терять терпение и уже хотел крикнуть, но Скворцов грязной ладонью прикрыл рот юноше.

Несколько томительных секунд...

В замок кто-то вставлял ключ и стал привычной рукой вертеть его.

— Хозяин...—мелькнула мысль у Жукова.

Но двери открылись...

И наивный юноша увидел незнакомца, стоящего в дверях.

Х

Осталось?.. Нет, прошло

Скворцов низко наклонился к сапогу, скрывая свое лицо и делая вид, что он не обращает внимания на пришедшего.

Незнакомец постоял несколько минут и соображал.

Если это предательство — то надо действовать... если же простая случайность или рассеянность этой старой армейской крысы... то сейчас все должно выясниться.

— Мне нужен сапожник Холмогоров!

— Закройте двери, господин, — мрачно сказал Скворцов, не отвечая на вопрос незнакомца.

— Я прошу вас ответить. Могу я видеть Холмогорова?

— Можете, — ответил Скворцов, — только не здесь! Закройте двери.

Незнакомец закрыл дверь и подошел близко к столу.

— Холмогоров продал мне мастерскую — и если вы заказали ботинки или отдали в починку — то я вам выдам ваш заказ.

— Да... я, конечно, пришел за своими ботинками, но я хотел поговорить лично с Холмогоровым — вы сказали, что я могу его видеть.

— Можете, конечно, если вам позволят....

— Я вас не понимаю...

— Видите ли, Холмогоров продал мне мастерскую и вскоре его арестовали... Он сейчас сидит в тюрьме... И, если вы его хотите видеть, то надо спросить разрешение.

— Ах, вот что... — взволновался незнакомец... — Вы не знаете, за что?

— А кто их разберет, за что? Времена нынче пошли другие.

— Это большая неприятность. Я ему дал задаток... — но Скворцов стал неистово стучать по подошве молотком и заглушил невнятные слова незнакомца...

— Вы присядьте, господин...

Незнакомец сел...

Водворилось молчание...

— Вы давно сдали ботинки?..

— Да, еще две недели тому назад...

— Жуков, дай книгу...

Жуков передал ему грязную, засаленную книгу и Скворцов стал перелистывать.

— Я, знаете ли, малограмотный, найдите сами номер заказа...

Незнакомец взял книгу, перелистал ее и коротко сказал:

— Сорок второй.

— Отыщи сорок второй, — коротко приказал Скворцов Жукову, и этот последний принялся за свое обычное дело, перебирая груды всевозможной обуви.

— Это очень неприятно... — процедил незнакомец...

— Да, теперь всяких берут...

С этими словами Скворцов встал с своего места, подошел к Жукову и тоже стал искать обувь номер сорок два, став спиной к пришедшему.

Воспользовавшись этим случаем, незнакомец вытащил из жилетного кармана металлический предмет средней величины и стал нервно вертеть в руках.

— Пожалуйста — вот сорок второй! Расшнуруй ботинки барину.

Жуков присел на корточки и быстро расшнуровал ботинки незнакомцу, но в голове Жукова мысли путались, а в душе была какая-то неопределенная тревога.

Когда ботинки были расшнурованы, Скворцов услужливо подал большие смазные сапоги незнакомцу...

— Я примерять не буду... вы мне их заверните.

Скворцов заметил металлический предмет в руках незнакомца и решил многозначительно улыбнуться и, может быть этим, заслужить доверие незнакомца.

Когда Жуков стал затягивать веревку вокруг завернутых сапог, незнакомец в свою очередь многозначительно улыбнулся и сказал:

— А все-таки позвольте примерить сапоги — может быть, там гвозди...

Все было понятно...

Металлический предмет в руках незнакомца определился: — это был сапожный гвоздь, но очень большой величины, годный больше для подков, нежели для сапог из самой грубой кожи.

— Вы не беспокойтесь, сударь, там гвоздей нету — у меня подмастерий опытный!

Два незнакомых человека прекрасно понимали друг друга...

Дело заключалось в сапожном гвозде, столь таинственным для Сковрцова и слишком понятном для незнакомца...

Жуков вручил пакет незнакомцу...

Сковрцов заложил руку в карман и пристально смотрел на незнакомца...

Незнакомец как-то суетливо шарил в карманах и металлический предмет выпал из его рук.

Незнакомец не обратил на это внимания, а Сковрцов незаметно наступил на гвоздь.

Незнакомец вручил деньги Сковрцову... и направился к выходу.

— Сапожный гвоздь!... — пробурчал Сковрцов...

В ту же минуту незнакомец вернулся обратно...

Что-то щелкнуло в руках у Сковрцова...

Это слышал незнакомец и страшно был удивлен при виде больших карманных часов в руках у Сковрцова...

— Который час?

— Без четверти двенадцать...

— Слишком много времени!...

— Осталось?—спросил Сковрцов...

— Нет, прошло... — ответил незнакомец.

— Господин, вы возьмите вашу палку, — подал ему Жуков.

Сковрцов перехватил палку, быстро осмотрел ее со всех сторон и подал незнакомцу.

Незнакомец буркнул ему:

— А как же сапожный гвоздь?

— У вас в кармане.

Незнакомец вынул из кармана телеграмму и подал Скворцову — Скворцов прочел:

«Партия свиней выслана».

— Ни с места, мерзавец! — накинулся на незнакомца Скворцов... Но в ту же минуту на руках Скворцова оказались наручники.

Он был оглушен сильным ударом... и все потемнело...

НОМЕР СОРОК ДВА

I

Не робей. Еще поборемся

Транспорт «Грозный» бросил якорь в рейде Золотого Рога... Перед глазами беглецов белой армии открылась роскошная панорама Константинополя с его дворцами, садами и белыми минаретами на фоне ярко-голубого неба.

На берегу кипела жизнь. И всем хотелось скорее окунуться в нее, уйти от постылого прошлого, забыться от тревог и волнений...

Но необходимые формальности отняли еще часа три. И лишь около полудня началась высадка эмигрантов.

Первыми, конечно, съехали на берег генералы во главе с Хвалынским и старшие офицеры со всем дамским персоналом.

Младшему офицерскому составу досталась на долю нелегкая задача: «сдавать трюм».

Эта часть «эмигрантского груза» была ужасна. Даже невозмутимые турки — врачи и санитары — пришли в большое смущение, когда вошли в это помещение страдания.

Больных сдавал сердитый военный врач, который предсказывал накануне, что половины не довезет живыми. И, действительно, в первую очередь, санитары вынесли семьдесят трупов солдат.

Затем последовала длинная вереница больных и раненых, среди которых находились женщины и дети.

Английский санитарный транспорт принял несколько сотен этого «скорбного груза».

И только после этого началась выгрузка «нижних чинов», поднявших бунт на судне...

Решено было отправить всю эту партию в четыреста пятьдесят человек немедленно в концентрационный лагерь.

И, так как могли ожидать сопротивления от этих «распропагандированных людей», то британское командование взяло на себя эту задачу.

В эту группу попал и запоротый шомполами Дроздов. И как ни хлопотала Таня Винокурова о своем несчастном женихе, чтобы его отправили не в лагерь, а в лазарет — ничего не могла добиться.

Сердитый доктор сказал ей:

— Ну, матушка! Если всех выпоротых считать больными, так у нас пол-армия больна...

Цинично засмеялся и ущипнул ее за щеку.

Таня вспыхнула. Ей очень хотелось дать хорошего туза по откормленной докторской морде, но надо было терпеть.

Ведь теперь она была чуть не крепостной горничной жены генерала Хвалынского — на чужой земле, где найдешь управу?

Для выгрузки бунтовщиков на двух транспортах прибыл целый полк полудиких гурков под командой английских офицеров.

— Этих не распропагандируешь! — самодовольно говорил апоплексический капитан Панкратов. — Ишь, какие морды — посмотреть любо!

И действительно, это колониальное войско Британской империи, вывезенное из далекой Индии, производило внушительное и мрачное впечатление своими темно-бронзовыми лицами, густо обросшими черной щетиной.

Английские офицеры бросали короткую команду, ее подхватывали отделенные начальники гурков. И вся эта темно-бронзовая масса точно, бесстрастно и автоматически выполняла свое дело.

Разоруженных солдат партиями выводили из трюма под сильным конвоем и грузили на британские военные транспорта.

Угрюмые, оборванные люди не замечали ни красоты расстилавшегося перед ними ландшафта, ни яркой пестроты окружающей их жизни...

Все это было не для них.

В одной из партий чуть ковылял Дроздов.

Его дерзкому жизнерадостному сердцу тяжела была эта неволя еще больше, чем остальным — недаром в его аттестационной книжке стояла роковая отметка:

— Один из инициаторов бунта.

Стиснув зубы от боли, Дроздов старался бодрее шагать, по привычке высоко поднял голову и вдруг увидел, среди кучи любопытных на берегу, румяную рожицу своей Тани.

Она махнула ему рукой с белым платочком.

Волна радостного озорства нахлынула на Дроздова, и он закричал своим звонким тенором:

— Танюшка! Не робей... Еще поборемся!

И тут же получил сильный удар прикладом в бок, от которого дух занялся.

Конвоир-гурк грубо схватил его за шиворот и толкал в самую гущу рядов.

Другой гурк сильно двинул его кулаком в ухо. В глазах пошли круги зеленые, красные, оранжевые...

И, как сквозь туман, Дроздов услышал ответный крик своей Тани.

— Милый! Держись! Найду тебя!..

Этот тонкий крик оборвался на рыдающей ноте и потонул в общем хаосе голосов и звуков шумного порта.

Дальше Дроздов уж ничего не помнил — свалился с ног как сноп. И то, чего не захотел сделать для больного Дроздова сердитый и немилостивый военный врач — сделали милосердные гурки: уложили своими руками Васю Дроздова в лазаретную тележку в бесчувственном состоянии.

А партия русских добровольцев «славной белой армии» длинной вереницей, под сильной охраной бронзовых гурков, следовала своему назначению: в концентрационный лагерь объединенного англо-франко-турецкого командования.

«Блистательная Порта» была теперь под бдительным надзором жестокого британского кулака, приправленного изысканным французским надзором.

II

Горький смех... от сладкой надежды

Командный состав белой армии был принят Константинополем значительно гостеприимнее, чем «нижние чины» той же армии.

Генералу Хвалынскому и всему высшему командованию были отведены роскошные особняки в европейской части города — Перу.

Младший офицерский состав был помещен не столь роскошно, но все же достаточно комфортабельно в обширном общежитии при монастыре Константинопольского патриарха.

Греческих монахов эвакуировали временно на дачу.

Вообще в Константинополе турецкое влияние заметно отошло на задний план — британский лев залез сюда всеми четырьмя лапами и широко расположился рядом с французским «галльским петухом».

Таня Винокурова была немедленно взята в муштровку генеральшей Хвалынской.

— Ну, милая! — Прежде всего — долой эти лохмотья... Ты теперь европейская горничная — изволь одеться прилично...

На Тане было простенькое платье и красный платок на голове.

— И красную тряпку долой!

— Но позвольте, гражданка Марья Николаевна.

Элегантная генеральша сделала очень злые глаза.

— Я тебе покажу такую гражданку, милая моя, что небо с овчинку покажется.

— За что?

— А за то, что здесь надо бросить всю эту ерунду...

Таня не сдавалась.

— Но позвольте! Ведь я не пленная...

Генеральша злобно захохотала.

— Поговори еще! Велю в лагерь отправить и будешь пленная...

Таня решила временно покориться. Плетью обуха не перешибешь: видно наше впереди будет, надо потерпеть.

Она опустила глаза и притворно-смирненно проговорила:

— Слушаюсь, барыня...

Генеральша улыбнулась милостивее:

— Вот так-то лучше... Иди и не глупи!

Через полчаса Таня уже бежала по роскошному особняку в костюме французской субретки с самой веселой улыбкой на губах.

На душе у нее скребли кошки.

Так началось заграничное воспитание Тани Винокуровой.

В роскошном особняке, который заняли Хвалынские, помещался между прочим и «Совет Защиты Родины», занимая весь верхний этаж особняка.

Каждый вечер в этом этаже происходили секретные заседания, в которых принимал участие и генерал Хвалынский, назначенный товарищем председателя совета.

Председателем был бывший царский министр земледелия, женатый на богатой московской купчихе.

Сюда по вечерам собирались все крупные бывшие люди. И, когда кончалась официальная часть заседания, то начиналась другая, неофициальная, с приличной выпивкой и закуской.

Эта «часть» пользовалась большой популярностью среди эмигрантов.



Организацией этой популярной части заведовала генеральша Хвалынская, а Таня служила там, подавая вино и закуску.

Мало-помалу к ней привыкали. И теперь Таня получила уже возможность подавать чай и на самих «секретных заседаниях».

Все бывшие люди невольно засматривались на эту свежую девчонку, которая бойко подавала чай, кокетливо прислуживала и совершенно незаметно для заседавших понемногу вникала в самые секретные дела, скромно спрятавшись за тяжелой портьерой.

Теперь вопрос шел об иностранных субсидиях.

Вопрос самый острый для всей эмиграции.

— Дают... — говорил седой председатель, — но все же скупо... за последнее время...

— Почему?

— Разочарование... Слишком много сожрали эти неудачные наступления.

— Один Деникин сколько стоил...

— Ха! Ха! Да, Деникин влетел им в копейчку...

Седой председатель укоризненно поглядел на хохотавшего Хвалынского.

— Не понимаю вашей радости, ваше превосходительство... Ведь это теперь отражается на всем нашем деле...

Генерал Хвалынский спохватился и сморщился.

— Это не радость, ваше высокопревосходительство, Александр Васильевич... Это горький смех...

— А... горький... Это дело другое... Но нам теперь не нужен ни горький, ни сладкий смех — нам нужно реальное дело...

Председатель повысил голос и повторил:

— Вы слышите, господа: реальное дело!

Все присутствующие зашевелились и напряженно прислушались.

— Реальное дело, — повторил председатель, — иначе нам грозит полное прекращение субсидий со стороны союзников. Я совершенно точно осведомлен и считаю своим долгом вас об этом предупредить...

Председатель замолчал и сердито оглядел всех присутствующих. Этому отставному сановнику, успевшему ввремя перевести приличную сумму из жениного приданого за границу, уже давно надоело возиться с этими эмигрантскими отбросами, которые еще недавно были «блестящими людьми» а теперь стали лишь неумелыми прихвостнями, пожиравшими иностранные субсидии.

Среди мертвого молчания, председатель продолжал сурово:

— Если мы не могли оправдать доверия наших теперешних хозяев организацией открытой военной силы — нам остается один путь: скрытого вреда врагу. Мне не нужно вам пояснять это дальше — все вы высшие военные чины и должны сами знать, что нужно теперь делать...

После речи председателя все облегченно вздохнули.

— Значит, еще не потеряна надежда на дальнейшие субсидии?

— Это — главное... Остальное пустяки — все будет сделано...

Так решен был план открытия действий для скрытого вреда неприятелю.

Вечер закончился все же обильными возлияниями шампанского и прочих вин.

Это уже был обычай.

III

II Интернационал и... фунт

Через три дня после этого заседания в помещении «Совета Защиты Родины» шло великое ликование...

На румынском грузовом пароходе прибыли агенты контрразведки и привезли секретные планы обороны города С., выкраденные из штаба Реввоенсовета.

Это была крупная ставка в зарубежной эмигрантской игре.

И опять широко раскрылся британо-французский кошель, только что перед этим захлопнувшийся перед носом «почтенной компании».

Теперь генерал Хвалынский, которому удалось организовать, по его словам, этот «трюк» — высоко поднял голову...

Был разменян в Оттоманском банке крупный чек и генерал с генеральшей долго разъезжали по магазинам европейской части в шикарном автомобиле...

В результате этих поездок у красивой генеральши появилось роскошное кольцо из бриллиантов с жемчугами, парюр из изумрудов и роскошный горностаевый палантин.

Три дня Таня должна была принимать бесконечные картонки с шляпами, ботинками, платьями.

Поставщики ходили в роскошный особняк вереницами — шампанское ящиками, дорогие вина, закуски, сигары — все это потекло широким потоком в особняк.

И когда дан был раут с открытым буфетом в помещении особняка, куда собрался весь цвет русской колонии с представителями иностранцев — для всех стало ясно, что дело «защиты родины» стоит очень твердо.

Генеральша Хвалынская блистала нарядами и бриллиантами, возбуждая невольную зависть не столь счастливых дам из белой эмиграции.

Маленький артиллерист в очках стоял в проходе вместе с сердитым военным врачом и ехидно говорил:

— Вот они куда идут иностранные денежки... Славно! Экие прохвосты...

В штатском платье с чужого плеча, маленький артиллерист выглядел какой-то ошипанной птицей в больших очках.

Военный врач сердито засопел:

— Прямо подлецы! Жрут здесь шампанское, а у меня в концентрационном лазарете люди мрут как мухи... Опять открылась цинга...

Румынский оркестр заливался какой-то невероятно страстной мелодией. Дирижер, казалось, от наплыва этой страсти хотел вылезть из самого себя...

Открытый буфет с высокой белой стойкой, за которой стояли негры в белоснежных костюмах, брали приступом.

Было громадное требование на коктейли.

Доносились восклицания:

— Трипл кулер!

— Еф-коктейль!

— Финь-сек...



Негры мешали разноцветные ликеры, добавляя туда яйцо, коньяк, ром.

И все эти ядовитые напитки поглощались жадной толпой.

Генерал Хвалынский в новом элегантном фраке с красной лентой на открытом жилете и сверкающей звездой у борта фрака стоял с высоким, чисто выбритым англичанином с деревянным лицом и толстеньким французом с седой козлиной бородкой.

Он почтительно говорил своим собеседникам по-французски:

— Этот раут я устроил в честь нашего объединения с представителями II Интернационала...

Англичанин высоко поднял брови, француз сомнительно улыбнулся...

— Вы им верите?

— О! Теперь это наши преданные друзья... Впрочем, вы услышите речи...

Англичанин серьезно спросил.

— Это дорого будет стоить?

Генерал Хвалынский пожал плечами.

— Мы не выйдем из сметы... Но результаты вы увидите...

На откормленном лице француза появилась жестокая черта.

— Имейте в виду, что на этот раз мы не выйдем из сметы ни на один сантим...

Генерал Хвалынский вежливо поклонился.

— Мы это помним, *monsieur*.

Из угловой комнаты вышел субъект с распорядительским значком, перемигнулся с генералом и сделал знак румынскому оркестру.

Оркестр замолк.

И сразу водворилась та напряженная тишина, которая предшествует какому-либо событию.

Даже неугомонные пьянчуги у бара замолчали.

Из глубины второй гостиной выступил худой субъект в черном сюртуке и встал в ораторскую позу.

Распорядитель зычно провозгласил по-французски:

— Представитель II Интернационала скажет слово.

Среди наступившей тишины раздался слегка скрипучий, картавящий голос:

— Если бы мир знал, если бы знала истерзанная Россия, что вот в этих стенах, вдали от голодающих и поедающих друг друга крестьян, выковывается вечный союз между великим русским народом и его зарубежными друзьями, то я вам ручаюсь, господа, что весь русский народ встанет, как один человек, против деспотов-большевиков... Второй Интернационал, — повысил голос оратор, — должен сыграть мировую роль в деле защиты интересов всех классов. Мы прежде всего должны объявить собственность священной.

— Но — тут голос оратора достиг вершины пафоса, — нужно очень торопиться, господа! Пока в России еще не ликвидирован голод. А к этой ликвидации уже приняты меры. Вспомните слова великого русского преобразователя: промедление смерти подобно!

Оратор замолк и хитрыми глазами оглядел аудиторию.

После секунды молчания раздались жидкие аплодисменты.

Оратор поклонился с большим чувством и отошел.

Англичанин серьезно произнес:

— Он хорошо говорил... Но сколько это будет стоить?

У француза глаза сделались совсем жадными.

Раут продолжался. Опять бар заработал на славу.

IV

Царская стоянка

Пока верхушки белой эмиграции весело проживали иностранные субсидии под соусами разных «внутренних и внешних» выступлений против ненавистой советской власти, эмигрантская «середина» далеко не благоденствовала.

От пышного стола доставались лишь крохи, собственные сбережения таяли, как лед на солнце.

Жизнь в «международном центре», как называли теперь Константинополь, становилась все дороже и дороже...

Сюда нахлынуло из Европы множество авантюристов со всевозможными проектами «использования страны возрождения полумесяца».

И в этой пестрой, жадной до жизни толпе международной разбойничьей банды — невольно терялась средняя белая эмиграция, которая умела до сих пор у себя на родине лишь проживать готовые деньги да жить на чиновничьем казенном содержании — военного или иного какого-либо министерства.

Да, пришлось нелегко!

И надо было спешно выбираться из положения. Иначе грозила нищета в чужом городе!

Идею дал, как всегда, глава эмиграции:

— Генерал Хвалынский!

Ему уже давно надоели эти люди, которые решительно негодны были для конспиративных работ по контр-разведке.

— Как дорвутся до вина — пиши пропало!

Куда их девать — этих «профессионалов револьвера» — людей, которых с детства, с школьной скамьи корпуса и до самой войны учили только одному:

— Как нужно убивать людей!

Был собран совет, который должен был решить вопрос утилизации этих оставшихся без дела — профессиональных убийц.

Решено было «для усиления средств» «Защиты родины» открыть... кафе-шантан.

Эта идея всех привела в восторг.

— Во-первых — это весело...

Всегда музыка, пение, обнаженные бабенки на эстраде, вино и т. д.

— Во-вторых—это выгодно...

Масса заезжих богатых иностранцев скучает, деньги им девать некуда и т. д.

— В-третьих — это необходимо для... конспирации...

Почему именно кафе-шантан необходим для конспирации — этого никто, в сущности, понять не мог...

Но решили, что это необходимо.

Главное, что при таком деле можно было занять решительно всех — от старцев, убеленных сединами и украшенных орденами и до младенцев.



— Что может быть эффектней — метр-д'отель с Анной на шее... — говорил один действительный статский, метивший на этот пост. — Какой шикарный укор родине! Смотрите! Кого вы потеряли...

Субсидировать дело для начала взялся все тот же предприимчивый генерал Хвалынский из «секретных сумм».

Было снято шикарное помещение на главной улице Перу, собраны все те же многострадальные румыны и цыгане, которые кочевали по неизвестным им самим причинам за белой эмиграцией.

Открылась запись в конторе на самые разнообразные должности: официантов, кельнеров, барменов, швейцаров, судомоек, артисток, певцов, музыкантов, билетеров, контролеров, кассиров и т. д.

Целый выводок элегантных дам эмиграции записался в кельнерши, им понтировали гвардейцы — кельнерами.

Полковник Пузырев оказался знатоком кухни и взялся за шефство в этой области.

Ротмистр князь Налимов на своем веку выпил несметное количество коктейлей.

И потому он объявил себя бармэном...

Его долго убеждали выкраситься «под негра» для шика, но благородный князь не согласился.

— Не хочу марать честь рода!

Нашлись певцы и певицы, танцоры и танцовщицы.

Генерал Хвалынский благосклонно принял на себя обязанности антрепренера.

И выдумал шантану громкое название:

— «Царская стоянка»»!

На торжественном открытии с приглашением иностранных гостей чуть не выпили всего погреба сами... И лишь вовремя принятыми мерами пресечения было спасено от гибели в день открытия столь полезное и выгодное предприятие.

Как бы то ни было, а «Царская стоянка» заработала и на время заткнула многие эмигрантские дыры.

И совершенно неожиданно для самих учредителей оказалась им услуга именно в том пункте, который вызывал самое большое сомнение.

На этот «огонек» пошла вся темная конспирация, которая давно бродила около эмигрантских субсидий.

В отдельных кабинетах начались таинственные совещания, появились личности неизвестного происхождения, но за деньги на все готовые.

И тут начала подготавливаться понемногу та контр-разведка, которая потом пышным цветом распустилась во многих углах Советской России.

Было заключено несколько таинственных договоров «на всеобщую порчу и разрушение», агенты получали авансы, снабжались необходимыми сведениями и инструкциями.

И выезжали на места действий в распоряжение главного агента контр-разведки на местах.

«Центр действия» решил: начнем со взрыва мостов.

И заработал условный телеграфный код.

Кукуруза «Герман Клоссе» из Гамбурга

В коммиссионной конторе по закупке и сбыту сельскохозяйственных орудий и семян «Герман Клоссе из Гамбурга» на одной из самых людных, торговых улиц столицы с утра шла обычная сутолока.

Десятки клерков-иностранцев в конторе писали, считали, щелкали на счетах. Их осаждала публика.

В кабинете за стеклянной перегородкой сидел главный бухгалтер; перед ним лежала куча зеленых ордеров, на которых он делал быстрые пометки.

В глубине конторы виднелась дверь с внушительной надписью:

— Кабинет директора. Без доклада не входить.

И у двери стоял здоровенный молодец в синей тужурке, охранявший вход.

Иностранная контора была признана очень полезной по своей деятельности — она, на самых льготных условиях долгосрочного кредита, снабжала сельские кооперативы нужными машинами.

Нужда в таких машинах была очень велика.

В директорский кабинет вошел курьер и безмолвно положил на стол кипу телеграмм.

Директор читал газету и дымил сигарой. Не отрываясь от чтения, он метнул косой взгляд на телеграммы и быстрым движением придвинул их к себе.

Когда вышел курьер, директор бросил газету, занявшись телеграммами. Он быстро разрывал их, пробегал, делал отметки красным карандашом и откладывал в сторону.

На одной телеграмме из Константинополя он задержался подольше.

Телеграмма гласила:

— Кукуруза выслана 17.23. Тара следует скорым 9.15. Накладные 28. 5. 43. 19. Гибкен.

Директор нажал на звонок. Вырос курьер.

— До 12 часов не принимаю. Занят.

Курьер безмолвно поклонился и вышел.

Затем директор быстро произвел следующие манипуляции одна за другой: подошел к окну, нажал незаметную кнопку у косяка, открылась небольшая потайная дверка в стене.

Он вынул оттуда листок синей бумажки, достал широкий флакон с бесцветной жидкостью и на секунду опустил туда бумагу.

Выступили на бумаге знаки и цифры.

Директор взял телеграмму и внимательно сверил ее текст с знаками и цифрами бумаги.

Пока бумага не засохла, он быстро набросал карандашом следующие слова:

— С особым человеком выслана партия лидита. Доверенный везет шестьдесят тысяч. Пароль обычный. На очереди взрывы железнодорожных мостов.

Внимательно прочтя эти слова три раза, директор зажег спичку и сжег написанное.

К этому времени синяя бумажка совершенно высохла и с нее исчезли все следы цифр и значков.

Директор быстро захлопнул крышку потайного шкафа и на темных обоях не осталось никакого следа.

После 12 часов у директора открылся прием посетителей.

Потянулся ряд обычных клиентов, которых директор отпускал с быстрой, методической вежливостью иностранца.

Один посетитель, в серой сибирке, с черной густой бородой, задержался подольше.

Он имел вид состоятельного деревенского купца-кулака из простых.

Посетитель расстегнул сибирку, под ней оказалась русская рубашка-косоворотка с жилетом. По жилету змеилась золотая цепь и болтался брелок-медальон в форме якоря.

Директор пристально поглядел на этот медальон, усмехнулся одними глазами и вынул серебряный портсигар, на

крышке которого красовался среди инициалов совершенно такой же медальон-якорь.

— Не хотите ли закурить? — любезно предложил он посетителю.

Посетитель метнул острый взгляд на крышку портсигара и, усмехнувшись углом рта, взял сигару.

— Можно и закурить с хорошим человеком, — медленно цедя слова, проговорил он.

Некоторое время они молча курили и смотрели друг на друга, точно ощупывая глазами. Затем начался такой отрывистый разговор:

— Ваш цвет?

— Голубой.

— Номер явки?

— 17 и 23.

— Предъявите...

Деревенский купец взял в руки медальон со своей цепочки, открыл его и показал внутри маленький якорь голубого цвета, врезанный в нижнюю крышку.

И опять закрыл его.

Директор молча кивнул головой и продолжал:

— Внесете сегодня?

— Да.

Директор позвонил.

— Позвать бухгалтера.

Вошел солидный человек с брюшком, в очках, сидевший в конторе за стеклянной перегородкой.

— Густав Карлович, — обратился к нему директор. — Примите от представителя энского союза в счет заказа на трактора. Условие я заключил лично.

— Какая сумма? — осведомился бухгалтер.

— Шестьдесят тысяч...

— Прошу ко мне.

Посетитель неторопливо поднялся.

— После взноса прошу ко мне, — любезно сказал ему директор.

В кассу комиссионной конторы по закупке и сбыту земледельческих орудий и семян Герман Клоссе из Гамбурга

поступила сумма в шестьдесят тысяч рублей от представителя союза энских кооперативов на заказанные трактора.

После взноса щедрый заказчик прошел в кабинет директора. Директор любезно предложил ему гаванскую сигару и сказал:

— Я думаю, нам удобнее будет побеседовать за стаканом вина. Жду вас к себе к пяти часам.

И дал ему адрес.

VI

Что решили за бутылкой вина

На столе стояла бутылка красного вина, ваза с фруктами и большой кусок сыра.

Но собеседники забыли о своем угощении, они заняты были изучением карты, на которой особыми значками выделялись все крупные мосты железнодорожных линий.

— Вот сюда... — говорил директор, водя пальцем по черной линии, — нужно послать самых опытных людей. Большой завод на линии дороги и постоянно снабжается материалами и хлебом... Ударный завод. Вот — мост. В двух верстах от завода.

Его собеседники — известный нам представитель союза кооперативов и другой — бритый брюнет с лицом хищной птицы внимательно следили за пальцем директора.

И время от времени отмечали что-то в своих блокнотах.

— Господин Кара, — закончил директор, — вам поручается вся подготовка этого дела.

Хищный брюнет кивнул головой.

— Вы, Браун, — обратился директор к бородатому представителю, — озаботьтесь доставкой нужного материала...

Совещание было кончено.

Через два дня после этого Кара подъезжал к шумному вокзалу.

Он протискался сквозь толпу в большом зале и подошел к киоску с литературой.

— Товарищ! Дайте мне «Известия».

Продавщица-барышня подняла глаза, взяла газету и протянула. Кара вынул портмоне, заплатил деньги и вслед за этим вынул медальон в форме якоря.

Продавщица острым взглядом впиалась в медальон, улыбнулась и дотронулась рукой до своей брошки, которая оказалась тем же медальоном в форме якоря.

— Ваш цвет?

— Красный.

— Номер явки?

— 14 и 2.

— Вас ждут на 42 версте в будке сторожа... Поезд отходит через полчаса.

Все это было сказано быстро, так, что несколько посетителей, купавших в это же время газеты, ничего не слышали.

Кара осторожно взял небольшой чемодан, который он держал между ног и, забыв захватить купленную газету, быстро пошел к двери с надписью «Отход поездов».

У дверей артельщик протянул ему купленный для него билет.

Еще через полтора часа Кара входил в сторожевую будку разъезда 42-й версты и там бережно сдал свой чемодан встретившему его сторожу после условного обмена теми же медальонами.

С большими предосторожностями открыли чемодан в сторожке и вынули оттуда несколько металлических шашек и длинный бикфордов шнур.

В это время в дверь сторожки раздался стук.

Кара быстро выхватил револьвер.

— Савельев... — угрожающе крикнул он. — Кто это?

Сторож быстро накинул шинель на шашки.

— Черт его знает... — пробурчал он сердито.

Он подошел к двери, и, не пуская стучавшего, вышел наружу.

Молодой парень с котомкой стоял у дверей.

— Эй, дядя! Далеко еще до станции?

Сторож сердито выругался.

— Ну тебя к чертям! 8 верст...

Парень устало опустил на сложенные шпалы.

— Устал, дядя! Верст 15 пру... пешком.

— Проваливай, — мрачно сказал сторож. — Не до тебя... Хозяйка заболела.

— Да ну... — сочувственно протянул парень, который тем временем закурил папироску-самокрутку, — сам-ка я посмотрю... Я хоть сапожный подмастерье, да кой-чему научился на службе....

И он двинулся к дверям.

Сторож решительно загородил дверь.

— Не замай, говорю... Проходи, шалыган!

Жуков (это был наш старый знакомый из города С.) пожал плечами и сплюнул.

— Ишь, какой сердитый... Ну, черт с тобой!..

Он поднялся с места и усталой походкой поплелся вдоль полотна, накинув котомку на плечи.

Жуков направлялся домой к родителям. Две недели назад он получил письмо следующего содержания:

— Дорогой Колян! Перво-наперво родители шлют тебе поклон до сырой земли, еще кланяется тетка Арина Ивановна, дяденька Евдоким Семенович да Матанька с Катькой. А как получишь это письмо — приезжай домой, потому довольно тебе шататься по сторонам. У нас корова отелилась. Отец твой теперь работает на заводе и тебя туда пристрою.

Колян Жуков получил это письмо и решил ехать. Но денег хватило до Москвы, а от столицы пришлось переть пешком или ехать зайцем. Теперь до деревни оставалось верст 30, надо было дойти до следующей станции и на первый поезд пристроиться зайцем.

Больше одной станции зайцем трудно было теперь ехать — выбрасывали и штрафовали.

С такими невеселыми думами плелся Жуков по полотну.

А в сторожке Кара пережил несколько тревожных минут.

Револьвер был уже наготове. Он решил прикончить случайного прохожего, который мог помешать в последний момент выполнению важного плана.

Теперь в сторожке шло поспешно совещание.

Намеченный мост был на 48-ой версте, за две версты от станции, где находился завод. Поезд с продовольствием для завода и с ценным сырьем должен был пройти в 6 часов вечера.

Теперь было 3 часа. Надо было успеть все проделать за час до прохода поезда.

А работы было еще немало: окольными путями надо было подъехать к мосту и незаметно все сделать. Да надо еще убрать сторожа на мосту.

Через час маленькая тележка катилась проселочной дорогой. В ней сидел Кара и сторож, переодетый в кучерский костюм. У Кары на руках бережно хранился чемодан.

А Жуков устало шагал по узкой дорожке вдоль полотна и звонким тенором распевал под гармошку:

Ходи верхом, ходи низом,
У Матани дом с карнизом.
Ах, Матанька, моя мила
Красота тебя сгубила!

чтобы как-нибудь скоротать скучную безлюдную дорогу.

VII

На что иногда пригодится рубашка

На Релюбинском заводе был митинг в обеденный перерыв.

Рабочие волновались. Вот уже неделю не привозят

продовольствия в кооперативную лавку; паек дошел до четверти фунта на день.

Сил нет работать. Да и сырья совсем мало.

Секретарь ячейки говорил с трибуны.

— Товарищи! Вы знаете, мы прилагаем все усилия, чтобы не было перебоев в деле продовольствия. Но иногда обстоятельства сильнее нас. Теперь могу вас успокоить: сегодня получена телеграмма, что маршрутом следует поезд с продовольствием и сырьем.

Послышались радостные крики «ура». И загремел взрыв аплодисментов.

— Наконец-то!

Гудит послеобеденный гудок и все расходятся по мастерским.

Уже около пяти часов Жуков подходил к большому железнодорожному мосту и совсем было собрался шагнуть на пешеходную дорожку, как услышал окрик:

— По мосту не ходить!

И выросла фигура сторожа с винтовкой.

— А где же пройти, товарищ?

— В обход... Через овраг...

Жуков почесал затылок.

— Еще крюку давать... Ну, делать нечего...

Он пошел вдоль откоса оврага, выбирая место, где бы получше перейти и за бугорком присел покурить в глубине оврага.

Устал больно!

Тем временем к сторожу на мосту подошел наш знакомый сторож разъезда 42 версты и в разговоре угостил его папиросой.

Мостовой сторож затянулся раза три и свалился с ног без чувств.

Савельев спокойно оттащил бесчувственное тело в кусты зеленых путевых заграждений, поднял винтовку и встал на прежнем посту у охраны моста.

Все было сделано так быстро и бесшумно, что сидевший за бугром Жуков ничего не слышал.

Жуков поднялся было идти через овраг, да обернулся и замер на месте.

Ему, невидимому с моста из-за бугра, видно было, как человек карабкался по узкой железной лестнице быка.

— Мастер, что ли, дорожный... — подумал Жуков, — починка...

И стал следить пристальнее, сам не зная почему.

Он увидел, как человек добрался до рельсового пути, что-то закрепил или положил там и быстро спустился, оставив за собой какой-то длинный шнур.

— Эге... Да это никак взрыв готовят! — мелькнуло в голове у Жукова.

И он весь похолодел.

Вдруг всю усталость как рукой сняло. Тело бросило как на пружинах.

Он выскочил из-за бугра и бросился на полотно перед мостом.

— Надо дать сигнал! — мелькнуло у него в голове...

На полотне у моста было пусто. Сторож куда-то исчез.

Вдали послышался гул приближающегося поезда.

— Сигнал! — как молния мелькало в голове у Жукова. — Чем?..

Он метнулся к мосту, наклонился и вдруг увидел, как длинный шнур загорелся у конца.

Какая-то черная фигура пробиралась по оврагу в его сторону, осторожно прячась за все выступы и кусты.

Вдали показался дымок паровоза.

— Сигнал! — с отчаянием подумал Жуков и в эту секунду взгляд его упал на собственную красную рубашку.

В мгновение красная рубашка была разорвана на полы и замоталась в руках Жукова.

Раздался с паровоза свисток. Поезд замедлил ход.

Ни о чем больше не заботясь, Жуков стрелой помчался по мосту к намеченному быку, спустился вниз и своим походным ножом успел перерезать шнур, горящий конец которого упал вниз.

Кубарем скатился по узкой лестнице Жуков по быку и бросился в ту сторону, где скрывался черный незнакомец.

Тот заметил его из-за куста и оттуда загремел выстрел, затем другой.



Промах!

Черный незнакомец бросился бежать, Жуков за ним.

Куда вдевалась усталость! Теперь сказался первый бегун и озорник Колян Жуков.

С остановившегося поезда тем временем сбежалась публика, поездная бригада. И все с вершины моста смотрели на зрелище двух бегущих людей.

Кара бежал теперь ровным сильным бегом в сторону леса, прилегающего к заводу, Жуков следовал за ним отчаянными прыжками, крича:

— Держи! Держи! Он мост взрывал!

Бросилось за ним несколько человек из поезда.

Кара на всем ходу круто повернулся и побежал к заводскому поселку — здесь он думал или лучше скрыться или дорого продать жизнь.

По дороге попалась вышка пожарного наблюдателя. Кара быстро вбежал туда, рассчитывая, что Жуков его не видал за углом, но Жуков увидел только конец его ноги и бросился туда.

На высокой площадке враги бросились друг на друга, запутались в веревках сигнального колокола...

И ударил частый, тревожный набат! Загудели тревожные гудки в мастерских... И через пять минут чуть не весь завод бежал к поселку.

У всех на устах было одно:

— Где пожар?

А набатный колокол все бьет и бьет тревогу.

Наконец, вбежали люди на вышку и нашли здесь двух полумертвых от усталости людей, крепко держащих друг друга в объятиях. Разняли их.

— Товарищи... — еле прохрипел Жуков, — держите его.. Он мост хотел взорвать...

И свалился с ног.

Полубесчувственного Кару связали по рукам и свели вниз.

Немедленно по телефону сообщили в Москву.

Через двадцать минут на стосильной машине выехал инспектор уголовного розыска на место происшествия.

VIII

Ультиматум-голова — и все прочее

Когда Скворцов очнулся, трудно было ему определить, сколько времени он находился без памяти.

Но во всех случаях жизни профессионал в нем сказывался больше, чем те последствия, которые могли полу-

читься от оглушительного удара в лоб и стальных наручников.

Скворцов, приоткрыв один глаз, стал изучать обстановку.

Ничто кругом не изменилось.

Единственно, что его вводило в сомнение — это отсутствие подмастерья.

— Неужели? Этот простачок... тоже с ними? — думал Скворцов, лежа на грязном полу мастерской.

Затем он порывисто поднялся с пола, отошел спиной к стене и, прислонившись, четко и медленно произнес:

— Если вы честны — подойдите ко мне и помогите снять наручники.

Растерявшийся Жуков, забившись в углу, дрожал мелкой дрожью и хрипло произнес:

— Я не могу, барин... У меня спутаны руки и ноги!

— Но почему здесь так темно?

— Лампу погасил этот жулик. Ушел и запер двери на замок.

Такое объяснение показалось Скворцову подозрительным, тем более что он предупреждал Жукова стрелять, если на него нападают.

— Ну, подходи ко мне...

Жуков снялся с места и стал ползти по грязному полу мастерской, опрокидывая на своем пути табуретки, размоченные подошвы...

Скворцов, стиснув зубы и взяв себя в руки, думал:

— Мне гораздо легче упасть на него и придавить тяжестью своего тела.

Тем временем беспомощный Жуков лежал в ногах у Скворцова и тяжело дышал. Скворцов наклонился к нему, распутал ему руки и вновь принял свою старую позу.

Жуков быстро сел, развязал себе ноги.

И встал.

— Теперь зажгите лампу, — коротко приказал Скворцов.

Жуков беспрекословно исполнил.

— Подойдите ко мне ближе. Вытащите мой револьвер из кармана. Положите его на стол. А где ваш?

Жуков вытащил свой, положил рядом с револьвером Скворцова. Последний сделал прыжок со своего места, сел на оба револьвера и радостно подумал:

— Ну, братец! Ты в моих руках...

— Нет ли у вас здесь подпилка?

— Есть.

Жуков подал подпилочек. И закипела работа.

В течение 20 минут наручники упали и Скворцов опустил свою сильную руку на плечо Жукова.

— Вот что, дружище! Ты еще, я вижу, желторотый птеник. Сегодня в ночь ты был свидетелем сцены, которой позавидовал бы заядлый профессионал. Тебе, конечно, трудно разобраться, в чем тут дело, но если ты хочешь быть предан Республике, то знай: ни один человек в мире не должен знать того, что знаешь ты. Твой хозяин сюда больше

не вернется. Все, что находится в этой мастерской, принадлежит тебе. Ты можешь продать все это и деньги взять себе. Если же почему-либо тебе это не нравится, то брось все, что находится здесь и пойдем со мной.

Жуков смотрел на него, пораженный щедростью барина, и со страхом отвечал:

— Я, барин, хочу в деревню...

— Не называй меня, дружище, так. Эта ночь связала нас крепко одной тайной, которой владеем мы вдвоем.

С этими словами Скворцов вытащил электрический фонарь, стал шарить на полу, нашел то, что ему было нужно и незаметно для Жукова положил металлический предмет, похожий на сапожный гвоздь, в карман.



Затем он подвинул стол к окну, поставил на него табуретку, осторожно открыл окно и шепнул Жукову:

— Вылезай первым...

Жуков вскарабкался на табуретку, вылез на улицу и полной грудью облегченно вздохнул.

За ним вышел тем же путем Скворцов и, протянув руку Жукову, сказал:

— Прощай, друг. Но знай: если до меня дойдет слух, что ты не в меру болтлив — ты за это ответишь головой.

И быстрыми шагами Скворцов скрылся за углом.

IX

Ультиматум в мусорном ящике

Жуков остался один и поклялся самому себе, как только может поклясться пылкий юноша, «что ни в жизнь никому не скажу, если даже в могилу живьем закопают».

А между тем, за углом была подворотня. В подворотне стоял мусорный ящик; между стеной и ящиком был небольшой проход с терпким запахом.

И здесь красовалась надпись:

Здесь останавливаться воспрещается.

Вот под этой надписью, в проходе, притаился человек, не нашедший себе, очевидно, ночлега.

Иначе зачем ему выбирать для своего сна столь неаппетитное ложе. Но вы, конечно, понимаете, что спать безмятежным сном у ворот, которые беспрестанно открываются — весьма не рекомендуется...

И если обладатель пылкого воображения хочет узнать все тайны ночи и услышать страстные расставания влюбленных, свидания, назначаемые деловыми людьми — то не-

пременно нужно выбирать место, подобное тому, какое выбрал этот чужак.

Итак, загремели ворота...

И два темных силуэта, пожимая друг другу руки, говорили:

— Нужно переехать в центр, связаться с акционерным обществом, получить новые директивы. И выйти из поля зрения местного сыска, так как я утверждаю, что часы, по которым он определял время — это был фотографический аппарат.

— Необходимо проникнуть в мастерскую, добыть гвоздь и, если там есть кто-нибудь — прикончить! Я буду на площади, левая сторона, остановка трамвая...

Силуэты исчезли.

Человек в проходе, надышавшись смрадным воздухом, решил выйти из своего места и переночевать где-нибудь на бульваре, нежели быть свидетелем странных замыслов двух исчезнувших теней.

Но это был... сон...

Он вышел из своего логовища и, шатаясь как пьяный, пошел по тротуару.

Не успел он дойти до площади, как мимо него промчалась пожарная команда, а за ней толпа людей...

Какая-то необъяснимая сила толкнула нашего чужака пойти по следам пожарной команды. Дойдя до места, где отчаянные пожарные, влекомые больше спортом огня, чем обязанностями, делали свое трудное дело.

Южный город... Звездное небо... Темпераментные южане... Гортанные речи... Крик обитателей горящего дома... Пожарные сигналы... Конский топот...

Все смешалось!

— Но где же? Скажите: где же быть нашему Жукову? Бездомному... Оторванному от сохи? Ищущему заработков... И сейчас безработному — обладателю тайны.

— Конечно, здесь!

На пожаре...

И, конечно, логика, справедливость, методичность, чудачество — все перемешалось.

И в итоге мы должны получить нашего чудака, покинувшего свое смрадное ложе, ищущего чистого воздуха, но дышащего дымом...

Разиня рот, Жуков смотрел на пламя того самого дома, где еще совсем недавно он служил подмастерьем сапожника Холмогорова, где он познакомился с чудаком — и получил угрозу ответить головой за разоблачение тайны.

— К черту проклятый город! В деревню... К себе домой. К тятеньке.

И порывистое движение было остановлено сильной рукой, опустившейся на его плечо.

— Ты видишь, дружище, что получилось из того, свидетелем чего ты был. Вот тебе лишнее доказательство, как крепко нужно хранить тайну. А теперь повернись налево. И посмотри: там, у столба...

— Хозяин! — вскрикнул Жуков.

— Разве ты его узнал? Разве это сапожник?

И Жуков убедился, что его хозяин Холмогоров не сапожник, а такой же «барин», как и многие другие.

Скворцов взял за руку Жукова, вывел его из толпы, отвел его в первый свободный переулок и сказал:

— Теперь ты смотри. Ты видишь, к твоему «хозяину» подошел заказчик ботинок № 42, они сели в автомобиль. Смотри на флаг, какого цвета?

Жуков молчал.

— Скажи, какого цвета флаг?

И Жуков как во сне, стал перечислять цвета флага на автомобиле: красный, черный, белый.

Автомобиль запыхтел, загудел и скрылся в ночной мгле...

Это было одно мгновение... События покинутого города, важная тайна... пожар мастерской... путешествие... все как в калейдоскопе мелькнуло в разгоряченном мозгу Жукова, пока он лежал без чувств на земле у пожарной вышки...

— Никому не верить, никому... все надо рассказать сейчас же, даже про тайну... И этому чудаку не верить... — бессвяз-

но думал Жуков, лежа на заводском дворе... Что-то холодное окатило его... Кровь заходила в жилах... Даже этому чудаку-барину не верить...

Он открыл глаза...

Вокруг него стояла толпа...

Он вскочил на ноги и только теперь заметил, что его противник лежит на земле, связанный по рукам и ногам.

— Братцы, вот этот... вот... хотел взорвать мост...

— Бей его! — крикнула какая-то старуха.

Толпа пришла в движение.

Кто-то в задних рядах подавал голос:

— Дорогу, товарищи... дорогу, товарищи...

И в круг вошел инспектор угрозыска...

Жуков во все глаза смотрел на инспектора...

Инспектор это заметил... улыбнулся и, обратясь к Жукову, ласково сказал.

— Товарищ Жуков, развяжите ноги этому гражданину.

— Не желаю я развязывать... Никому не верю...

— Бей его! — неистово кричала старуха...

Инспектор Скворцов вытащил револьвер и спокойно сказал:

— Не трогать этого человека... Он не один, их много развелось... Нужно его допросить.

— Я требую его отдать нам, — крикнул Жуков.

— Вы очень молоды и горячи, дорогой товарищ, — невозмутимо ответил ему Скворцов. — Дайте дорогу.

Толпа расступилась...

Связанного человека подняли с земли, развязали ему ноги и он вместе с Жуковым прошел по живому коридору, образовавшемуся от расступившейся толпы.

За ним спокойно, заложив руки в карман, шел Скворцов.

Вся толпа хлынула за ним.

Герои сегодняшнего дня вошли в контору.

Жуков сбивчиво и многоречиво излагал факты... Скворцов записывал...

— Спасибо, товарищ, вы свободны...

— Я бы хотел посмотреть ваш мандат.

— Ах, да у вас и опыт появился...

— Мандат, — хрипло крикнул Жуков и схватился за тяжелый пресс-папье.

— Извольте, — улыбнулся Скворцов и направил дуло револьвера на Жукова.

Держа в руках револьвер, Скворцов передал мандат Жукову, этот долго рассматривал, почесал затылок, отдал бумагу обратно.

— Так... все правильно...

Оба рассмеялись, пожали друг другу руки, и Жуков вышел на крыльцо заводской конторы...

Появление Жукова вызвало бурю одобрительных выкриков со стороны рабочих, толпившихся у крыльца...

В маленькой заводской конторе, молча, друг перед другом стояли два человека.

Скворцов блуждающими глазами смотрел на своего vis-a-vis и думал:

— А если бумажка фальшива... А если печать подложна... Зря вот этот «барин» не показал мандата на взрыв моста... Ему бы этот легковойный подмастерий поверил бы... и хранил бы тайну... Дурачье!..

Затем, вперив глаза в пойманного, он коротко бросил:

— Шпион?

Тот смущенно опустил глаза.

— Какого государства?

— Меня по-русски нету...

«Это свой» — подумал Скворцов.

«ЧЕЛОВЕК В КРЕСЛЕ»

I

На бегущей дрезине

Сторож будки 44 версты Савельев, «сняв с поста» мостового сторожа путем отравленной папиросы, быстро возвратился в свою будку окольной дорогой через лес.

Он видел из перелеска, как прошел маршrutный поезд с продовольствием.

И ждал события с минуты на минуту.

Отсюда до моста четыре версты — взрыв должен быть слышен хорошо...

— Вот теперь... поезд подошел к мосту... Пора...

Но кругом стояла тишина, нарушаемая только монотонным шумом телеграфной проволоки.

Из-за закругления пути на 43 версте послышался шум дрезины. Ехал дорожный мастер «на дежурный осмотр».

Савельев замахал фуражкой навстречу бегущей дрезине, та остановилась и приняла его.

— Прокачу до Релюдина... — сказал Савельев дорожному мастеру, — табаку надо купить...

Мастер молча кивнул головой.

Быстро покатила дрезина и, приближаясь к мосту, замедлила ход — у моста стояла вооруженная стража.

Далее у насыпи толпился народ.

Продовольственный поезд прошел на станцию — дрезину остановили.

— В чем дело? — закричал мастер.

— Подрывалу изловили... — ответил старший в команде. — Приказано не пропускать без осмотра.

Мастер почесал затылок.

— Подрывалу? Это что же будет?

— Мост взорвать хотел — вот что... — резко крикнул старший. — Что за люди на дрезине?

Он вплотную подошел к дрезине с самым решительным видом.

Савельев похолодел.

— Все пропало, — мелькнуло у него в голове.

Но мастер спокойно усмехнулся и сказал:

— Люди все свои... Я — мастер дорожный, со мной два дорожных сторожа, да рабочие...

— Документы?

У всех документы оказались в порядке.

— Проезжайте... Там еще будет два осмотра.

Савельев улучил минуту и, соскочив с дрезины, замешался в толпе.

Дрезина покатила дальше, а Савельев быстро повернул в ближайший кустарник и вернулся в свою будку.

В будку вошел бородатый сторож Савельев, а через четверть часа вышел оттуда бритый субъект в черном пальто и каскетке, надвинутой на нос, с небольшим саквояжем в руках.

Он направился к лесу и вышел на крутую поляну, откуда шла извилистая лесная дорога.

Бритый субъект продолжительно свистнул в свисток с звонкой трелью.

Послышался ответный свист с такой же трелью.

Из-за деревьев выкатилась легкая тележка, запряженная лошадью, которой правил молодой парень.

Бритый субъект быстро сел. Тележка помчалась по дороге.

К гостинице «Париж» подошел бритый субъект с саквояжем.

У подъезда стояли извозчики, несколько автомобилей с шоферами, читавшими газеты.

Субъект прошел в обширный вестибюль и здесь обратился к внушительному швейцару в синей поддевке и фуражке с галуном.

— К кому идете?

Субъект вынул шагреновый бумажник, на котором выделялся вензель в форме якоря, и достал оттуда карточку.

Швейцар прочел:

— Филипп Хлопс, комиссионер.



Посмотрел сквозь стекла пенсне на вензель бумажника, в форме якоря, и почтительно снял свою галунную фуражку.

На внутреннем дне фуражки красовался такой же якорь в виде вензеля.

— Пожалуйста... Вы знаете, как пройти?

Комиссионер Хлопс молча кивнул головой и поспешно поднялся наверх по широкой лестнице.

II

Ф. Хлопс, комиссионер

Пройдя два коридора, он свернул за угол и остановился перед дверью с № 93. Постучал так: два раза быстро и три — раздельным стуком.

Дверь бесшумно отворилась.

Хлопс прошел первую комнату. Из-за портьеры вышел незамеченный им раньше человек в серой тужурке, с серым лицом и встал у двери второй комнаты.

Хлопс опять вынул бумажник с знакомым вензелем и подал свою карточку:

— По срочному делу... Очень важному...

— Изложите дело...

Хлопс замялся.

— Я бы хотел лично...

Серый человек криво усмехнулся и небрежно поиграл своим брелком в форме якоря.

— Но вас слушают... Подойдите сюда...

И подвел Хлопса к трубе стоявшего на тумбе граммофона.

— Говорите...

Хлопс с недоумением посмотрел на серого человека, пожал плечом, но, наклонившись к трубе граммофона, проговорил тихим голосом:

— Взрыв не удался. Кара схвачен...

В ту же минуту на дверке граммофонного ящика показался световой сигнал синего цвета. И потух. Потом вспыхнул еще два раза.

Серый человек отрывисто проговорил:

— Подождите здесь.

И вошел в соседнюю комнату. Хлопс увидал сидящего на кресле человека спиной к нему.

Высокая спинка кресла скрывала почти всю фигуру незнакомца.

Хлопс увидел мельком лишь сухой, бритый профиль, да стороной мелькнула крепкая белая рука с золотым панцирным браслетом, на котором прикреплен был медальон овальной формы. Рука эта приняла его карточку.

Дверь бесшумно закрылась.

Хлопс устало присел на мягкое кресло, закурил папиросу и подумал:

— С этой нашей конспирацией с ума можно спятить... Сколько у него секретарей? Запутаетесь...

Прозвенел звонок неизвестно где.

В дверях вырос швейцар.

За ним шел серый человек и говорил:

— Уезжаем сегодня. Соберите все вещи и вызовите автомобиль по номеру 33-33.

Швейцар поклонился.

Через десять минут все вещи были упакованы в изящные чемоданы заграничного фасона и вынесены в вестибюль.

Из задней комнаты вышел почтенного вида человек в длинном, застегнутом на все пуговицы, сюртуке с портфелем под мышкой.

Он бросил Хлопсу по-немецки:

— Sie fahren mit mir...

И прошел к двери, где серый человек услужливо подал ему пальто.—Хлопс молча повиновался.

Внизу ждал большой автомобиль ландоле бледно-серого цвета со всеми вещами.

Сели и помчались...

III.

Баранину купить не удалось...

Автомобиль несся по бесконечной линии бульваров, круто свернул на площади, пролетел по Цветному бульвару...

И помчался по круговой Садовой. Замелькали — Самотечная, Сухаревская, Черногрязская...

Опять крутой поворот и пошли переулки, переулки, переулки — нет им счета!

Открылся обширный запущенный сквер на пустынной площади.

Опять целая сложная сеть переулков...

И, наконец, у красивого особняка с густым садом, бешеная машина остановилась.

В особняке приезжих встретила красивая брюнетка цыганского типа:

— Милости просим...

И пожала руку Хлопсу.

— Пройдите вперед по коридору... Третья дверь налево — ваша комната.

— Мерси, но я не один...

Хлопс обернулся, ища спутника, но тот уже исчез.

— Где я видел эту даму? — мелькнуло у него в голове, когда он разглядывал красивую брюнетку.

Та улыбнулась лукаво и дотронулась до красивой брошки с бриллиантами, расположенными в форме якоря.

— Вы меня не узнали?

— И знаю и не знаю!..

Брюнетка захохотала.

— Короткая у вас память. Я — Блосская!

Теперь Хлопс все припомнил.

Сверкающая эстрада дорогого шантана за границей, душные кабинеты с обильными возлияниями... Груды цветов и драгоценностей.

И среди всего этого дива эстрады Блосская.

— Припомнил!

— Наконец-то...

Еще бы не припомнить, когда это знакомство ему стоило несколько тысяч в вечер — из-за этого он и продал свою шкуру на конспиративную работу в опасной игре по контрразведке.

— Значит, и она наша!.. — не без тайного удовольствия подумал Хлопс, — широко же мы раскинули сети.

Но мечтать было некогда — он прошел в указанную ему комнату и здесь на минуту остановился... и замер.

В глубине комнаты сидел спиной к нему человек в кресле и проговорил ровным голосом:

— Сядьте и пишите телеграмму.

Хлопс сел за ближайший стол, на котором нашел готовую бумагу с маленьким якорным вензелем и перо с чернилами.

Человек в кресле диктовал:

— Салоники, Мариовиту.

— Баранину купить не удалось. Закупаем опять свинину. С кукурузой слабо. Вышлите аванс.

Рамзай.

— Готово?

— Да.

— Отнесите на телеграф. Вернитесь и ждите распоряжений.

Хлопс молча поклонился в спину сидящего в кресле, вздохнул и вышел из комнаты.

В голове был туман от встречи с Блосской и мелькали блудливые мысли...

Но... конспирация! Чорт бы тебя взял — конспирация!

В коридоре Хлопса встретила Блосская — нарядная, улыбающаяся — и проговорила:

— На телеграфе подойдите к окошку № 7 и спросите Фиделя. Ему отдайте депешу.

Все вышло, как по-писаному: в окошке № 7 оказался Фидель, молодой человек цветущей наружности, с кольцом на мизинце в форме якоря.

IV

Опять захлопали пробки...

Когда в Константинополе через Салоники от Мариовита была получена телеграмма — в «Совете защиты родины» впали в уныние.

— Взрыв не удался. Опять занялись агитацией среди крестьян...

И главное... Требуют опять аванс!

Собрано было секретное совещание в бельэтаже известного особняка.

Докладывал генерал Хвалынский.

Седой председатель резюмировал:

— Слишком много авансов и слишком мало удовольствия для наших хозяев и нас. Советская власть крепнет. Получается со стороны такое впечатление: мы укрепляем враждебную нам власть всей этой нашей работой!

Эта желчная речь вызвала волнение среди собрания.

— Надо переконструировать дело...

— Очевидно, попались продажные мерзавцы!

— Жрут деньги, как акулы!

Восклипания сыпались градом.

Генерал Хвалынский резко заявил:

— Это моя организация. Работают первые специалисты Европы во главе с знаменитым...

Сзади выскочила реплика:

— Специалисты... по авансам?

Генерал Хвалынский побагровел.

Уже готова была вспыхнуть открытая ссора, когда в дверь постучались.

Все насторожились. И замолкли.

Таня Винокурова подала на подносе пакет.

Генерал Хвалынский бросил быстрый взгляд на штемпель конверта и упавшим голосом сказал:

— От военного министра...

Седой председатель иронически бросил:

— Ждите здоровой головойки!..

Среди напряженного молчания, генерал Хвалынский нервно распечатал роковой конверт.

Прочел, и... просиял.

— Господа! Приглашение на банкет!

Все бросились к бумаге.

На толстом бристоле с штампом военного министра сильной европейской державы было напечатано следующее:

— Военный министр приглашает «Совет защиты родины» на банкет, имеющий состояться в особняке военного министерства сего 9 мая.

Обязательная формы одежды — фрак.

И внизу стояла знакомая волшебная подпись!

Шумное оживление охватило всех собравшихся. Недавнее уныние сменилось чрезмерной бодростью.

Посыпались восклицания:

— Еще поживем!

— Наша возьмет...

Один седой председатель был скептически настроен.

— Погодите радоваться, дети! Ведь и на банкете может быть хорошая головомойка...

Но настроения и ему не удалось испортить.

В соседней комнате уже сервирована была по приказанию Хвалынского «легкая закуска».

И вскоре захлопали пробки шампанского.

Таня Винокурова, убирая стол секретного совещания, нашла очень интересный документ: размеченную карту.

Пока гремел шумный пир, Таня успела скопировать весь план в своей комнате — этому ее научил в свое время Дроздов.

И положила план на место.

В пылу веселья никто этого и не заметил.

Таня скромно удалилась в свою комнату. И, когда все успокоилось в особняке, осторожно вынула кафель из маленькой изразцовой стенки камина и спрятала туда ценный документ.

— Теперь надо только Васю перевести в лазарет, — решила Таня. — Недешево будет это мне стоить... Ну, да уж добьюсь своего!

V

Банкет объединения

Банкет удался на славу!..

Вся улица была запружена автомобилями и роскошными экипажами.

Турецкие заптии-полицейские сбились с ног, устанавливая порядок на улице...

У громадного особняка, горевшего огнями во всех своих зеркальных окнах, густела толпа — разношерстная, типично константинопольская, пришедшая поглядеть на это иностранное великолепие.

В большом двусветном зале с хор гремела музыка, а внизу двигалась нарядная толпа приглашенных.

В отдельных гостиных были устроены уютные уголки, декорированные экзотическими растениями и пестрыми восточными тканями.

Кое-где белели высокие лакированные прилавки бара.

И здесь преимущественно группировалась русская колония «из средних».

Высшие, с седым председателем и генералом Хвалынским во главе, стояли в дальней гостиной...

Из заветных дверей должен был скоро выйти военный министр «сильной державы»

Пока же у дверей замерли две бронзовые фигуры си-паев в больших кисейных тюрбанах.

— Наши середнячки не теряют времени, — ехидно говорил маленький артиллерист своему неизменному спутнику, сердитому толстому доктору. — К выходу насвищутся в лучшем виде...

— Что еще скажет министр... — угрюмо просипел доктор. — Не рано ли радоваться...

Отдельной группой держались фигуры в черных сюртуках и тужурках, нарушая своим «демократическим» видом общую блестящую картину фрачников и расшитых мундиров вперемежку с бальными дамскими туалетами.

— Меньшевики держат линию на II Интернационал...

— Наши самые верные союзники.

— До поры, до времени!

— Ну, теперь наши интересы слились!..

Разговор порхал от гостиных к барам и перебрасывался в большой зал.

Между тем, в картинной галерее был сервирован длинный стол, уставленный цветами, фруктами и разнообразными блюдами с дорогой холодной закуской.

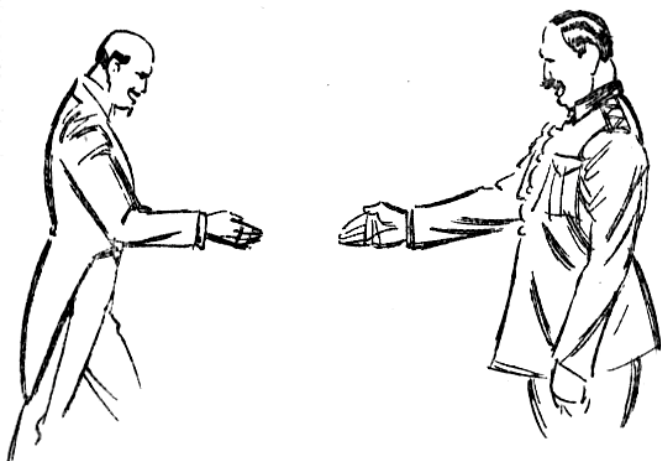
По сигналу распорядителя все двинулись туда и расселись по заранее намеченным местам.

Забегали лакеи с бутылками шампанского.

В центре стола появился военный министр, около него по правую руку сел генерал Хвалынский с седым председателем, по левую — представитель II Интернационала с двумя ассистентами.

Водворилась тишина.

Был слышен лишь легкий звон бокалов баккара, куда, пенясь, лилась шампанская влага...



Министр встал и поднял бокал.

— Господа! Я счастлив, что у меня, министра его величества, сидят сегодня представители двух крайних партий бывшей российской империи... Мой банкет укрепил союз двух партий — русских меньшевиков и русских монархистов... Они протянули друг другу руки!

Военный министр немного отодвинулся назад, как бы приглашая своих соседей справа и слева осуществить эту эмблему на глазах у всех.

Седой председатель дипломатично выставил вперед генерала Хвалынского.

Генерал протянул свою руку вперед и попал прямо в костистую ладонь тощего представителя II Интернационала.

«Историческое рукопожатие» совершилось перед взволнованной публикой банкета.

Военный министр громко возгласил:

— На это объединение перед лицом многих представителей европейских держав взирает гордо двуглавый орел, как символ порядка и законности государства! Я заявляю вам, господа, что мое правительство вам во всем поможет. За наш союз. Хип! Хип! Ура!

Загремели ответные крики. И рекой полилось шампанское.

— Это так трогательно... — говорила жена генерала Хвалынского своей соседке — седой тучной даме, залитой бриллиантами.

— Это — восхитительное зрелище, — пропищала тучная дама.

— О yes! — сказал дипломат с сизым лицом, значительно подняв правую бровь.

После банкета в строгом кабинете военного министра сидели генерал Хвалынский и представитель II Интернационала.

Был подписан крупный чек.

И желанный аванс направился по своему назначению...

VI

Таня Винокурова работает

Нелегко было Тане Винокуровой добиться перевода своего больного жениха Васи Дроздова из концентрационного лагеря в лазарет.

Сначала была возня с генералом Хвалынским.

Генерал был теперь очень весел и игрив — шла полоса удач с авансами. И жизнь опять забила ключом в особняке.

Генерал обещал приказ, но упорно твердил:

— А мне что за это будет?

И бесцеремонно обнимал Таню...

Таня, скрепя сердце, выносила эти грубые ласки и, под веселую руку, все же вырвала желанный приказ.

Но нужно было пройти еще через цензуру толстого военного врача, который должен был подписать ордер.

За эту подпись Тане пришлось опять заплатить.

— Чорт с тобой, — подумала она, — подавись моим поцелуем...

Получив, наконец, желанный ордер, Таня полетела в концентрационный лагерь, который находился далеко за городом.

В голой, пустынной местности, перерезаемой бугристыми холмами, был расположен концентрационный лагерь военнопленных «бунтовщиков белой армии».

Широкая площадка, огороженная частым переплетом колючей проволоки, включала несколько длинных барakov, крытых черепицей.

За проволокой стояли и ходили группами солдаты в изорванных шинелях — мрачные и худые.

Турецко-иностраный рацион был не густ: бобовая похлебка да кукурузный хлеб и темно-бурая гуща кофе в котлах, от которых пахло кислой верблюжьей шерстью.

У входа к проволочным заграждениям стояли часовые-гурки, жевали бетель и выплевывали густую слюну кровавого цвета.

Когда Таня предъявила ордер, звонком был вызван дежурный офицер — красивый турок с феской набекрень.

Он внимательно прочел бумагу и вежливо обратился к Тане на ломаном русском языке:

— Вы сестра милосердия?

Таня предусмотрительно накинула фартук и пелерину красного креста, уходя из особняка.

И, на утвердительный ответ Тани, офицер приказал пропустить ее в барак № 8.

В грязном бараке на длинных нарах нашла Таня своего несчастного жениха Васю Дроздова.

Бойкий молодец Дроздов с румянцем во всю щеку в недавнее время — теперь похудел и пожелтел до неузнаваемости.

Таня задержала готовые брызнуть слезы и обняла Дроздова.

— Васенька, дорогой... Привезла тебе ордер в лазарет.

Радостным огнем загорелись глаза на худом, изможденном лице Дроздова.

— Выручай, Танюшка... Заела меня лихорадка... — сипло пробормотал он, с трудом поднимаясь с нар.

Кругом лежали все такие же желтые, худые люди.

Это был малярный барак.

— Сестрица... — заговорили кругом. — А нас когда? Подышаем здесь...

Таня, скрепя сердце, ответила:

— Погодите, братцы... И до вас очередь дойдет...

И быстро собрала своего Васю, укладывая его сундучок.

В барак входили иностранные санитары. Была вызвана карета Красного Креста. Под руки вывели слабого Дроздова и уложили в карету.

Таня быстро уселась с ним вслед за санитаром. Другой санитар сел с шофером и карета покатила в лазарет, который был расположен близ города.

Санитар-англичанин отвернулся к окошку, а Таня близко наклонилась к Дроздову и шептала по-русски:

— Выздоровливай скорее, Вася. И бежим. Сил моих больше нет... На всю эту погань смотреть. Убежим не пустые — многое я разглядела да разузнала из их гадостей здешних... Бумажки повезем любопытные с собой...

Дроздов жадно слушал эти речи и глаза его загорались прежним блеском коновода и первого озорника в роте Васьки Дроздова.

— Танюшка... Осторожнее... Не слышали бы...

Таня уверенно возразила:

— Ничего не понимает он...

Действительно, санитар-иностранец сидел с каменным лицом и продолжал смотреть в окно, совершенно не замечая их.

Дроздов бросил искоса взгляд на санитара, убедился в том, что он ничего не понимает и лихорадочно продолжал:

— Надо умно сделать, Танюшка... Я говорил тебе: припасай документов побольше, да получше. Будет с чем к своим пройти...

— Да уж сделано, — радостно говорила Таня. — Не беспокойся... Только выздоравливай скорее... Из лазарета и убежим... Я там уже завела знакомство — наш есть один фельдшер... Поможет. Только выздоравливай скорее.

Дроздов жадно слушал эти речи.

— Выздоровею... Чего тут! От тоски болезнь меня взяла...

— Ну, а обо мне не думай... У меня все готово, — живо зашептала Таня... Только выздоравливай скорее...

Санитар повернул свое каменное лицо к говорящим и спокойно сказал на чистом русском языке:

— Напрасно, сестра, вы так волнуете больного своими разговорами.

Таня похолодела...

Дроздов заметался на своем узком брезентовом ложе...

— Пропали... — прошептал он запекшимися губами.

Санитар все так же спокойно продолжал смотреть в окно кареты.

И ничего нельзя было прочесть на его каменном лице.

VII

Человек в кресле

Наряду с убеждением существует и предубеждение. От последнего гораздо труднее отделаться, чем от первого.

Мы находимся в той стадии развития, когда от преду-

беждения освобождается легко и ни при каких условиях не уступим убеждения...

Вот почему — в позе весьма удобной, в великолепном кресле с высокой спинкой, сидел человек с сухим бритым лицом в глубокой задумчивости.

В его голове мелькали: гостиница «Париж», артистка цыганского типа, взрыв моста, молодой парень, устало присевший у железнодорожной будки, жалкий вид арестованного Кары и те ужасные последствия, которые наступят от того, если вся хитроумная махинация откроется и не менее ужасные последствия, если эта махинация не откроется...

Вот те сбивчивые мысли, вот тот хаос, который может быть у человека, деятельность коего граничит со славой, в ореоле широкой популярности и заметного героя истории или же бесславное имя человека, прошедшего слабым эпизодом описываемой нами истории.

Ход мыслей этого человека был прерван коротким звонком.

И, дабы не утруждать себя, он протянул руку к двери — она приоткрылась, и в его руку был вложен пакет.

Он положил его на колени, посмотрел на него и подумал:

— Или новая неприятность, или новая улика?..

В соседней комнате принеся пакет пожимал руку секретаря и коротко бросил:

— Я подозреваю, что Каре удастся бежать!

Секретарь усмехнулся и ответил:

— У нас есть возможности, с помощью которых можно спасти положение...

В это время в соседней комнате пакет был вскрыт и черным по белому напечатано там:

Агентом по поручению Угрозыска назначается товарищ Жуков, Николай.
--

Из кресла встал Скворцов, позвонил, к нему вошел Жуков...

— Ваша служба у нас уже оформлена. Вот приказ. Прочтите его, осмотрите и приходите к вашему личному делу.

Жуков прочел приказ, сложил бумагу и направился уже к шкафу взять «личное дело», когда Скворцов остановил его на полдороге, сказав:

— Я вас просил осмотреть документ, но вы этого не сделали... Дружище! Запомните урок: ни один приказ по нашему ведомству не проходит без того, чтобы он не был сфотографирован. Поэтому вот вам бумага и на этой бумаге тот же текст, что и на той, которую вы держите. Вы видите разницу?

— Да.

— Наш невидимый неприятель ошибся, вложив в конверт не подлинник, а копию. Но эта копия, во-первых — совершенно соответствует приказу о вашем назначении, а во-вторых — даст нам прекрасный материал и нашей дорогой «леди» — привести нас к конечной цели...

С этими словами Скворцов отобрал приказ у Жукова, сел за письменный стол и уже сухим деловым тоном сказал:

— Приведите мне сюда нашего общего приятеля...

.
.

В глубоком и удобном кресле с высокой спинкой, в позе человека усталого, с задумчивыми, отсутствующими глазами на сухом бритом лице, — он сидел.

Перед ним горела свеча и рука его, с панцирным браслетом и медальоном на нем, держала простой лист бумаги и сжигала на пламени свечи.

Уже догорала бумага и осталось одно последнее слово:

— ...Николай...

— Вот они, улики по советскому уголовному кодексу! — иронически подумал он и веко левого глаза опустилось над отсутствующим взглядом... — А пепел?



Он дунул. Пепел разлетелся...

— Как было бы ужасно, если можно было бы развеянный пепел собрать и прочесть по нему?

Есть в природе сила, которая, конечно, непреодолима для человека.

VIII

Ю. Г. Кара

Жуков не замедлил исполнить приказ Скворцова и вышел из кабинета.

Но может ли удержаться молодой парень, недавно взятый от сохи — не остановиться перед великолепной Леди, чтобы не положить свою руку на ее умную, красивую голову, приласкать ее и раз 10 сказать ласково:

— Дай лапу!

Да, есть в природе какая-то сила, которая одновременно помогает предателю делать гнусное черное дело в ущерб огромной массе, стремящейся к свету, к сознанию и к прогрессу.

И одновременно тянет человека на ласку, на любовь, на искреннюю бесхитростную откровенность даже тогда, когда эти три прекрасные качества способствуют ущербу, наносимому той огромной массе.

Но два минуса — дают плюс!

Вот почему, когда Жуков, лаская Леди, приносил ущерб одному явлению, делая доброе дело и тут же — помогая злему.

Так как Кара сидел в камере и работал над камнем в стене, расшатывая его во все стороны.

Но Леди надоело протягивать лапу.

Жуков вспомнил о приказе...

Вблизи от камеры Кары раздались шаги.

Кара поспешно лег на нары.

И принял самую невинную позу...

— Следуйте за мной!

Кара спокойно встал с нар, обдернул на себе кацавейку.

И пошел за Жуковым.

В коридоре на проходящих никто не обращал никакого внимания.

Жуков открыл дверь, пропустил мимо себя Кару; его приветливо встретил Скворцов.

— Добрый день... Прошу садиться.

Кара развязно сел в кресло.

— Жалоб никаких нет?

— Есть.

— Чем вы недовольны?

— Прошу выдать мне удобную одежду.

— Это можно. И вообще я поставлю вас в хорошие условия, но прежде маленький договорчик...

— Согласен...

— Ваша фамилия, имя и отчество?

— А больше вы ни о чем не будете меня спрашивать?

— Ничего, кроме того, что вы письменно подтвердите то, в чем признались мне в конторе фабрики.

— Согласен, но с оговоркой: на бумаге не будет указано государство...

— Это неважно. Пишите.

С этими словами Скворцов подвинул ему блокнот.

И Кара написал:

Юлий Григорьевич Кара, политический шпион. Покушался на взрыв моста.

Скворцов взял со стола написанное на блокноте, вырвал лист, передал Жукову.

Жуков спрятал листок в шкаф.

Кара выжидательно смотрел на Скворцова.

— А как же договор?

Скворцов спохватился, поспешно встал с места, открыл дверцы платяного шкафа и ласково предложил:

— Выбирайте любое...

Кара схватился за первое попавшееся платье, а затем зашел за шкаф и начал переодеваться.

Тем временем Жуков что-то нервно написал на бумаге и продвинул ее Скворцову.

Скворцов прочел следующее:

— Я удивлен вашей мягкостью.

Все лицо Скворцова озарилось улыбкой и, чтобы отделаться от любопытства новичка, он буркнул:

— Психология...

Когда из-за шкафа вышел Кара, то трудно в нем было узнать того несчастного бродягу, вид которого придавал прежний костюм...

Жуков — весь прежний хлам Кара положил в мешок, запечатал его и номерок передал Кара.

Кара его спрятал в карман, а затем с наглой улыбкой обратился к Скворцову:

— Voila tout?

— Voila tout...

Жуков подумал:

— Ну, братцы... Вы друг друга стойте... Держись, Колян... Здесь обманство... Не иначе...

IX

Непрошенный «зайчик»

Вновь Кара из просторного кабинета Скворцова очутился в узкой камере.

Скворцов же, заложив одну руку в карман, другой рукой повелительно указывал коменданту — проверить посты.

За камерой на западной стороне иметь наблюдение.

Из окон кабинета Скворцова виднелось окно камеры Кари и часть самой камеры.

Под окном камеры, расположенной во втором этаже, на досчатой перекладине сидел штукатур и, мурлыча песню, работал.

Комендант ушел исполнить приказание.

Скворцов открыл окно кабинета, поставил треножник с зеркальным отражателем, направив таковой прямо на окно камеры Кара.

Сам сел под защитой простенка против зеркала и стал наблюдать. В зеркале отражалось: Кара укладывал в портсигар папиросы, положил его в карман, взялся за фуражку, но...

...Но... Ах, русская пословица!..

— На всякого мудреца — довольно простоты.

На шапке Кара был зайчик от направленного зеркала.

Кара злобно оскалил зубы, сорвал шапку, снял френч и завесил окно.

Скворцов сконфуженный сидел перед отражателем, в котором со всеми подробностями вырисовалась спинка хорошо сшитого френча...

Минута раздумья.

Скворцов подошел к своему гардеробу. Переоделся. Незаметно вышел из кабинета.

Ушел на черный ход. Поднялся на крышу, свесил голову и маленьким камешком прицелился в штукатуру.

Рабочий поднял голову, узнал начальника, немедленно спустился по канату. И не успел он ногами коснуться земли, как на досчатой перекладине сидел уже другой штукатур, опять мурлыкал песню, левой рукой мазал стену, а правой шарил в кармане френча...

Френч заколебался...

Кара заметил подозрительное колебание, поднялся к окну, вытащил нож и схватил руку, обшаривающую френч.

— Мертвая хватка, пан Скворцов!

Скворцов не растерялся и крикнул громко:

— Ломайте левую, правая уже сломана...

Реплика, поданная Скворцовым, дошла по назначению.

Часовой обратил внимание на громкий разговор в пустом дворе, заметил висящего на канате человека...

И дал выстрел...

Тревожный свисток!



От неожиданности Кара отлетел от окна, рука Скворцова освободилась, он полетел вниз, зацепился за телефонный провод.

Это задержало силу падения, и Скворцов свалился на землю...

Сейчас же появились носилки. На носилках был уложен бездыханный труп...

Кара смотрел из окна и думал.

— Ну... один готов! А с этой деревенщиной справиться легче!

Х

Обычные ошибки секретарей

Санитары бережно внесли в кабинет носилки с Скворцовым. И ушли.

У носилок беспомощно и растерянно стоял секретарь. И не успел он протянуть руку к трубке телефона, как перед ним стоял невредимый Скворцов с хитрой улыбкой.

Секретарь, выдавший на своем веку много видов, особенно в последние годы совместной работы со

Скворцовым, пожал плечами и реагировал на чудесное воскресение своего начальника так:

— Правильно!

— Пустите слух, что я сильно разбился и положение мое безнадежно.

— Слушаюсь... Часового у западной половины поставить?

— Ни в коем случае.

— Есть!

За секретарем закрылась дверь.

Одним прыжком Скворцов был опять у своего наблюдательного окна.

И тяжелая суконная штора закрыла его от всяких любопытных глаз...

Ибо было время проулки заключенных. И шли пересуды о злобе дня.

В числе гуляющих был и почтенный господин Кара; всегда брезгливо относившийся к толпе, на этот раз он забыл свой обычай и вступил в переговоры с своими товарищами по несчастью:

— Кто это разбился? — с очаровательной улыбкой спросил Кара ближайшего соседа.

— Инспектор Скворцов, — последовал ответ.

— Он жив?

— Нет. Слыхать — помирает...

— Собаке — собачья смерть! — с не менее очаровательной улыбкой заключил Кара.

И отошел от толпы.

— Что это за порядки? И уголовные и политические и просто бандиты — все здесь равны... — думал Кара, присвоив себе квалификацию «политического подпольника».

Он передернул плечами, вышел из рядов и пошел к зданию.

Надзиратель счел своим долгом предупредить:

— Вы, гражданин Кара, зря не пользуетесь воздухом... Это третья прогулка и до утра другой не будет... Или вы нездоровы? Можно вызвать врача...

— О нет, милейший друг. Я не привык вращаться в таком обществе, — иронически сказал Кара, указав на толпу гуляющих.

И пошел в свою камеру.

Жизнь понемногу замирала...

Люди располагались на ночлег.

Ночь была темна. Лил сильный дождь. Природа в эту ночь была решительно против человека.

И только долг, священный долг мог заставить человека отмахнуться от разразившейся стихии...

И часовой стоял у западной половины.

Ему видно было окно Кары.

В камере Кары была тьма и ничего не сулящая тишина...

Крот делал свое дело...

Камень в стене был вынут.

Грозная решетка валялась на полу, как ненужный хлам...

По канату спускался человек...

По тому самому, который предал Скворцова и сейчас спасал Кару.

Кара на земле... Но свобода за стеной.

Поза Кары ничем не отличалась от напряженной стойки легавой собаки на охоте.

Но все спокойно.

Часовой стоит спиной.

Кара подкрался, остановился, как вкопанный, и смотрел, и видел, и не верил себе.

Часовой спал!

— Только русская свинья может спать под таким ливнем... И притом, прислонившись к стене,— так думал Кара.

И одной рукой измерял высоту стены.

Но маневр сей великолепному Каре показался неудачным.

Он растолкал часового, схватил его за ворот и нарочито грубо крикнул:

— Спать! На часах! Собака! Сгною в подвале!

— Простите, товарищ начальник... Не погубите!

— Смо-о три! Дери тебя горой. Нельзя, товарищ, спать на посту.

— Уж больно замаялся, товарищ начальник. Да и табачку нет...

— На тебе папиросы. Кури и не спи. Пропуск знаешь?

— Знаю.

— Ведь врешь — не знаешь?

— Знаю...

— Ну скажи?

Кара подставил ухо.

— Собачка и нарез... — прошептал часовой.

— Молодец! Слышал — Скворцов помирает?

— Да он уже помер... Только вынесли!

— Жаль человека... Ну то-то же, товарищ... Не спи!.. Можешь упустить такого преступника, что никогда не поймаешь его... Разве только один Скворцов мог...

Спокойной походкой, держа руку в кармане, направился Кара к воротам, небрежно буркнул пропуск.

И вышел на улицу.

Часовой прислонил винтовку к стене, поднял воротник.

И бесшумно скользнул вслед...

ГЛУХОЙ ОСОБНЯК

I

Три тени

Хороший хозяин, конечно, не пожелал бы выгнать собаку на двор в такую крошечную ночь.

Дождь лил как из ведра. Ветер свирепыми порывами расхлестывал потоки воды и образовал целый водяной смерч...

На глухой окраине огромного города улицы были так плохо замощены, что все обратилось в одну сплошную грязь...

Ни души на улице...

Редкие фонари бросали неверный свет на всю эту бушующую стихию. Обыватели окраины, видно, легли уже спать — в маленьких домах совсем не видно было света...

По узкому тротуару, близко прижимаясь к стенам, пробиралась какая-то тень. Казалось, даже в эту черную ночь этой тени хотелось спрятаться, войти в стены, чтобы сделаться совсем невидимой.

Да и смотреть было некому, — ведь захолустная улица была совсем пустынна...

Кому охота сунуть нос в этот дьявольский кавардак разгулявшейся стихии?

Но ведь вся беда в том, что человек не собака! И куда добровольно не сунется ни одна собака, даже самая несчастная — туда обязательно влезет человек, движимый чем?

Любопытством, долгом, страстью?

Кто может разгадать темную душу человека?

Особенно в такую крошечную ночь?

Кому придет охота заниматься психологией под проливным дождем, когда укрыться некуда, водяной смерч

валит с ног и холодная вода заливает вам под воротник, жестокий ветер рвет вашу шляпу с головы, а ноги давно промокли до отказа...

Конечно, никому!

Так думала, и совершенно разумно, казалось, тень, на всякий случай все же ближе прижимаясь к стенам маленьких домиков.

Но кто разгадает все эти загадки такой чернильной ночи?..

К нашему удивлению, мы увидим на известном расстоянии вторую тень, которая так же близко жметесь к заборам и домам.

И, не обращая никакого внимания на стихию, зорко смотрит вперед.

Вероятно, это человек с глазами кошки, если он может что-нибудь видеть в этой почти абсолютной темноте...

Но нет абсолютного в жизни. И потому мы можем разглядеть, уже своими внутренними глазами, — такими глазами, как известно, снабжены только авторы детективных романов, — еще третью тень, которая пробирается очень близко за второй...

Эта третья тень, видимо, не столь опытна в ночном деле, как первые две, и потому старается держаться как можно ближе к второй...

А может быть, у этой третьей тени нет кошачьих глаз?

Не всех же мать-природа наделила такими качествами...

Как бы то ни было, а вот уже три тени в кромешной ночи, когда хороший хозяин собаку не выгонит...

Но еще раз повторяем и просим запомнить: человек — не собака!

Он куда угодно полезет...

Ничего нет вечного под луной, должна же кончиться и эта безрадостная ночная путина, где блуждают неизвестно для чего три телесных тени.

Вдали замаячил приветный огонек и первая тень задвигалась быстрее... Чем ближе маячил огонек, тем быстрее двигалась тень. И, наконец, пропала в лучах приветливого огонька...

А две вторые тени?

Те все еще находились во власти негостеприимной ночи — видно не для всех сверкал приветный огонек среди непроглядной тьмы...

II

Голубая лисица

Если бы светило солнце и стоял белый день, на вывеске можно было бы прочесть следующее:

Европейская чайная «Висла»

Почему европейская?

Об этом надо было бы спросить хозяина, который стоял у широкого прилавка на фоне различной чайной посуды, аккуратно разложенной на полках.

Два половых в белых рубашках разносили закуску и чай немногочисленным посетителям, которых утрюмая ночь загнала сюда.

Кого загонит судьба в ночную чайную на окраине громадного города?

Конечно, или случайного путника или бездомного бродягу, которому негде преклонить буйную голову в длинную осеннюю ночь...

Но ночная чайная — это как ночная птица, она живет своей жизнью — загадочной и темной.

За столом сидел бритый субъект с маленькими баками в жокейской фуражке и спортсменском костюме, потертом, но когда-то дорогом.

Он прихлебывал из чашки желтоватую жидкость. Вероятно, чай? По запаху, это был ароматный — грог. И курил сигару.

Знаток узнал бы в ней «манилу» по белому крупному пеплу и тонкому аромату.

Его собеседник в ватной кацавейке имел вид крючника с пристани. Красное, здоровое лицо с клочковатой редкой бородой; хищный оскал нижней челюсти указывал на свирепую, животную натуру.

Крючник пил из чайника какую-то светлую жидкость большими глотками и закусывал бутербродами с паюсной икрой дорогого «салфетного сорта».

За соседним столом сидели две женщины — по костюму жалкие ночные проститутки.

Эти пили настоящий чай и, наклонившись друг к другу, тихо говорили...

Доносились какие-то иностранные слова характерного птичьего языка.

Как могли дочери туманного Альбиона попасть в эту захолустную ночную чайную под громкой вывеской:

— Европейская чайная «Висла»?

Об этом опять таки надо бы спросить у хозяина этой чайной, с хитрыми, заплывшими глазками на круглом лице...

— Че-а-ек!—гаркнул один из посетителей в углу.

И по этому одному повелительному окрику можно было бы узнать, что у этого посетителя в замызганном осеннем пальто и грязной фуражке — еще недавно было много лакеев...

А молодцеватый половой в белой рубашке с маленькими усиками на свежем лице чрезвычайно напоминал кирасирского офицера, который нарядился для маскарада.

В эту странную кампанию вошел промокший до костей — Кара и прежде всего отряхнулся как собака, которая вылезла из воды.

Брызги посыпались кругом и на полу образовалась лужа.

Посетители не обратили на это никакого внимания, а Кара подошел к стойке и, наклонившись к хозяину, шепнул ему на ухо что-то...

Последовал отрывистый диалог уже за стойкой:

- Звоните 33-33.
- Есть!
- Шофер Савельев и два браунинга.
- Исполнено. Пароль?
- Голубая лисица.
- Проходите...

Подалась стенка с чайной посудой и Кара исчез, как бы поглощенный буфетом.

В чайной шла своя жизнь — никто из посетителей не обратил на это внимания.

Хозяин прошел в маленькую дверь справа от стойки, попал в полутемный коридор и спустился вниз по незаметной лестнице.

Очутившись в подвале, он тронул выключатель и при свете вспыхнувшей лампочки подошел к ящикам, наваленным здесь, как ненужный хлам.

Три ящика он отложил в сторону, а четвертый — нижний открыл, нажав незаметную кнопку.

Крышка отскочила и обнаружился телефонный аппарат.

- Алло! 33-33.
- Гараж «Альсив».
- Говорит «Висла». Пришлите машину Фиат...
- Шофер?
- Савельев.
- Ваш пасс?
- Голубая лисица,..
- Сделано!

Хозяин закрыл ящик, привел все в прежний порядок и поднялся наверх.

Заперев дверь подвала каким-то хитрым внутренним замком, он прошел по коридору и тронул косяк левой двери.

Дверь легко подалась и он очутился в комфортабельно обставленной комнате. За столом сидел Кара, очень нарядно одетый: безукоризненная фрачная пара, дорогое пальто и тяжелая трость с золотым набалдашником.

Хозяин проговорил:

— Все исполнено.
Кара молча кивнул головой.

III

Кругом вода!

Природа, казалось, немного смиростивилась. Мало-помалу прекратился ливень.

Прочистилось хмурое небо...

И ночь стала яснее... Загорелись звезды.

Две тени прижались к стене дома напротив чайной «Висла».

Как только стало светлеть, — тени бесшумно юркнули за угол, образуемый забором.

И стали опять невидимы.

— Слушай, дружище... — зашептал Скворцов, — беги незаметно в дом № 55... Помнишь, что я говорил?

— Вижу, — прошептал Жуков, — помню...

— Вызови по телефону машину в сто сил с Леди к заставе. Садись на машину и жди меня. По сигналу действуй.

— Все сделано...

— А теперь иди! И незаметно, незаметно... Змеей ползи.

Сзади раздавался шипящий шепот Скворцова, когда Жуков, распластавшись вдоль забора, действительно почти змеей проскользнул в темноту.

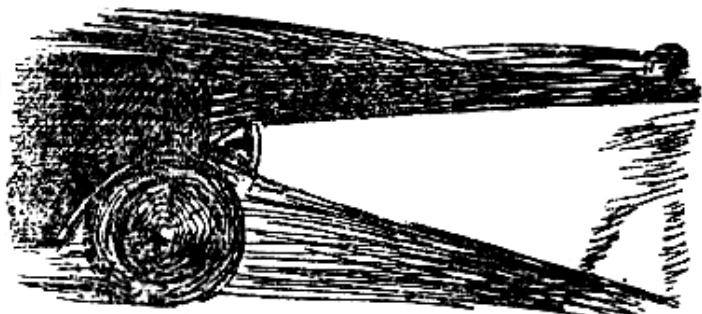
— Из парня будет толк, — подумал Скворцов и сделал легкий прыжок в темноту.

Он очутился под навесом железной лестницы, выходящей к боковой стене чайной «Висла». И здесь Скворцов опять слился с темнотой...

.

Пробираясь окольными путями к заставе, Жуков неотвязно думал.

— Заварили кашу густую... Как-то расхлебаем! Ох! Никому-то не верю. Кругом вода — ничего не разберешь.



Когда Жуков подходил к заставе, он издали увидел сильную машину, на полном ходу проскочившую в темноту:

— Они...

Сердце у Жукова забилося сильнее... Кровь быстрее забегала по жилам — нахлынула волна бодрости и безграничного озорства.

Робости как не бывало. Хотелось драться, кричать, что-нибудь совершить необыкновенное...

Руки чесались!

В деревенском вахлаке просыпался профессиональный сыщик — ученик великого Скворцова, чье имя гремело во всем преступном мире и было еще неведомо миру обывательскому, который совершает ежечасно свои мелкие гадости, не предусмотренные уголовным кодексом Советской Республики...

— Хоть бы скорее...

Жуков прыгал на месте от нетерпения в ожидании вызванного автомобиля.

Но кругом было безлюдно у этой сиротливой заставы.

По грязной дороге показался обоз. Мужики шли перед лошадьми, с трудом шлепая пудовыми сапогами...

Вдали мелькнул яркий огонек. Донесся тонкий звук сирены.

— Наши едут!.. — радостно крикнул Жуков.

Но огонек мелькнул на извороте. И скрылся где-то...

IV

Предательский задок

Великолепная машина с легким ходом, крытая брезентом, остановилась перед глухой стеной дома.

Застонала, завизжала и засвистала...

Эхо разнесло эти звуки по пустынной улице.

Дождь опять лил как из ведра. Опять потемнело.

Под железной лестницей сидел Скворцов и с какой-то злобной радостью думал:

— Какая глупая неосторожность! Прекрасные изобретения ученых попадают в руки простачков, не умеющих пользоваться усовершенствованиями... На что рассчитывает беглец, когда производит такой шум? Но раз они не умеют замечать следов, то наше дело за это их проучить. Будь вперед умнее.

Он вышел из своей берлоги и крадучись, ползком, добрался до машины.

Машина стояла к нему кузовом. Влезть на брезентовую крышу — это значит быть таким же простачком, каким был тот, на которого шла охота.

Но великолепный задок кузова манил удобством, лаской и обещал далекое путешествие в полной безопасности.

Скворцов, никогда не шедший навстречу велению сердца — на этот раз был вынужден занять место в задке кузова.

По установившейся привычке, устроившись удобно, он старался логически оправдать свой поступок.

Глухая стена, безлюдная улица, темная ночь и разразившаяся стихия — не давали основания предполагать, что

есть любопытствующий глаз, могущий как-нибудь заметить его...

Итак, Сковорцов на месте!

Сжимая в кармане револьвер и держа в левой руке легкий английский наручник, Сковорцов перестал думать и был готов к решительной схватке.

Уныло ползали часы...

На противоположном конце длинной машины сидел тоже человек и, конечно, тоже думал:

— Всякая служба хороша в определенных рамках. Во-первых, когда она хорошо оплачивается, во-вторых, когда она не связана с риском, в-третьих, когда с тебя не требуют героизма, самоотвержения во имя каких-то весьма призрачных выгод, сейчас реально ни для кого не ощутимых...

Нет сомнения, что если бы Сковорцов знал мысли своего желчного соседа, то он безапелляционно решил бы: с такой интеллигентской психологией в темную ночь можно только погибнуть, но отнюдь не рассчитывать на успех.

Сей интеллигент еще раз нажал кнопку и вновь раздался нетерпеливый рев, свист и шипение.

— Вот бы моему Жучку такую штучку. Можно было бы с уверенностью сказать, что он свистел бы всю ночь, а я сидел бы не здесь, а в лапах у черта.

Однако объективные обстоятельства были против Сковорцова. От заставы все еще не было условленного сигнала, что давало Сковорцову основание думать, что Жуков либо утонул и захлебнулся в захолустной грязи или, натолкнувшись в тьме кромешной на телеграфный столб — вступил с ним в бой по всем правилам деревенского искусства...

Ибо надо совершенно серьезно констатировать, что у нашего молодого героя Жукова Николая, который только начал свою славную карьеру красного детектива — было нечто общее с небезызвестным, увы, и ему Дон Кихотом Ламанчским...

Не имеете ли жалоб, гражданин Скворцов?

Характерные звуки автомобильной сирены проникли в комнату, где находился Кара. И, встрепенувшись, он поправил на себе пальто, натянул перчатки, надел шляпу. И исчез в темном коридоре ночной чайной.

Затем шагнул в нишу стены, отодвинул бесшумно засов и очутился вновь на улице, но уже под защитой прекрасного заграничного прорезиненного пальто.

Постояв немного на углу, Кара беззаботно, — но зорко посмотрел по сторонам...

Его острое зрение пронизало темноту и он заметил темный силуэт знакомой машины.

И поспешно направился к ней.

.

Расчет, с математической точностью установленный Скворцовым, на этот раз оказался неверным. И в дальнейшем эта ошибка имела весьма серьезные последствия...

Машина, стоявшая у входных дверей чайной, оказалась кузовом к глухой стене чайной...

А так как эта стена служила входной дверью хитроумных махинаций господина Кары — то естественно, что Скворцов оказался жертвой на этот раз необследованных им «стратегий» Кары.

Кара легкой походкой быстро приближался к автомобилю...

Кара, конечно, заметил человека, сидящего на задке кузова, набросился на него прыжком пантеры, взял его на мертвый прием воровской хватки.

До такой степени события развернулись быстро, что Скворцов не успел отпарировать прыжка нападающего...

На всякий случай он ударил приемом Джиу-Джитсу, но было уже поздно — два сильных человека — Кара и его шофер, который оказался знакомым нам Хлопсом — схватили Сковрцова, быстро скрутили ему руки...

Хлопс связал его крепко шарфом, поднял, закрыл ему лицо, вскинул на спину и скрылся вместе с Карой в той же стене.



Промокшего насквозь Сковрцова положили на пол фешенебельной комнаты, где недавно приводил в порядок свой туалет Кара.

Какое-то восхищение овладело Кара, когда он рассмотрел свою случайную жертву.

Он скинул цилиндр, распахнул пальто, со всего размаха упал в кресло, закурил сигару, заложив ногу на ногу...

И, стараясь сохранить хладнокровие, иронически сказал:

— Не имеете ли жалоб, гражданин Сковорцов?

— Нет. Я лежу удобно, — спокойно ответил Сковорцов.

— Теперь, когда наши роли несколько переменились, я так же щедро, как и вы, — предоставляю в ваше распоряжение мой гардеробный шкаф...

— Только бы не заставили переодеваться, — тревожно подумал Сковорцов и хладнокровно ответил:

— Да, с вашей стороны это было бы весьма любезно... Я весь мокрый... У меня высокая температура. И я могу потерять сознание... Едва ли это входит в ваши расчеты...

Хлопс при этих словах подскочил к Каре и что-то шепнул ему на ухо.

Кара многозначительно повел бровями и процедил:

— Мы сейчас очень заняты, гражданин Сковорцов. До утра вряд ли вам удастся переодеться... А потому крепитесь! А утром наш врач вам сделает легкую операцию.

— Сошло... — подумал Сковорцов.

И сейчас же закрыл глаза, оставив лишь маленькую щель — на всякий случай...

Кара быстро встал с своего кресла, застегнулся на все пуговицы, надел цилиндр.

Приоткрыл окошко и крикнул:

— Бор!

Через минуту вошел хозяин чайной с осовелым лицом, еле держась на ногах от выпитого вина и удивленными взглядами установился на Кара.

— Иметь за ним наблюдение...

Ткнув палкой в бесчувственного Сковорцова, Кара вместе с Хлопсом вышел из комнаты и исчез в темном коридоре.

А через минуту Сковорцов ясно услышал, как на улице запыхтела машина. Затем все умолкло.

VI

Наглядный вред от алкоголя

Как связанный лев, беспомощно лежал Скворцов и мысли путались в его голове...

— Если какое-нибудь внешнее обстоятельство не выведет меня из этой берлоги, то я вряд ли выберусь отсюда сам!..

И Скворцов, конечно, был прав. Ибо, во-первых, он решительно не знал, в каком этаже он находится — его несли закрытого с головой куда-то и вверх и вниз...

Во-вторых, он не знал ходов этого таинственного здания.

В третьих, — инстинкт ему повелевал быть настороже и не доверять особенно авторитету своих выкладок, ибо такие... на кузове... уж доказали свою несостоятельность...

Но что вы сделаете с пьяным человеком?

Который от поглощенного алкоголя раскисает, впадает в жалостливый тон и желает помочь там, где его помощь может послужить ему же во вред.

Хозяин чайной в пьяной фанаберии, с какой-то педантичностью, почти через каждые пять минут подымал окошечко и заглядывал в комнату.

Всякий раз встречаясь с жалостливым взглядом Скворцова.

— За что вы так наказаны? — спросил он наконец в приливе пьяной болтливости...

— Вот оно — внешнее обстоятельство, — подумал Скворцов.

— По-русску не разумлю, пане...

— Пан поляк?

— Так, пане...

И Скворцов быстро затараторил по-польски.

Смысл этой речи был следующий:

— Я дал сведения, которые требовал пан Юлий, но он меня заподозрил в измене, а я бедный человек. Я не могу изменить родине...

— О, пан наш очень строгий. Я вам дам сейчас немного выпить. Вы согреетесь, отдохнете, а потом я вас опять свяжу. И пан Юлий ничего не узнает.

С этими словами хозяин выставил руку в окошечко, потянул за шнур, — деревянная перегородка со скрипом открылась.

И он вошел в комнату.

Через пять минут Сковорцов сидел в кресле, наливая в рюмку какую-то прозрачную жидкость и, делая вид, что пьет ее, выливал незаметно в плевательницу.

Когда вновь вошел к нему хозяин. Сковорцов незаметно для него щелкнул затвором своих часов и добродушная, пьяная морда хозяина запечатлелась на фотографии.

— А далеко пан Юлий? — опасливо спросил Сковорцов по-польски.

— Нет. Но он вернется утром...

— Он у своей милой?

— Не разумлю, пане...

Хозяин похлопал по плечу Сковорцова и сказал:

— Не надо бояться. Пан пошумит, покричит и успокоится.

С этими словами он ушел с тем, чтобы через час или полтора вернуться и опять связать Сковорцова.

Но хозяин чайной был уже не таким простачком, каким он показался вам сразу, ибо на всякий случай в том вине, которым он столь добродушно угощал Сковорцова, была положена довольно сильная доза снотворного.

Но кто же не знает, что, получивши однажды жестокий урок, с расчетом на внешнее обстоятельство, второй раз не станет верить — ни добродушию, ни благожелательности людей в столь подозрительной обстановке...

Вот почему, если Сковорцов мог показаться неопытным в спокойной позе на задке автомобиля, то он достаточно был искушен, чтобы избежать опасного угощения.

Как только захлопнулась дверь за хозяином, Скворцов тотчас же вскочил с места, отрезал шнур, с помощью которого дверца эта открывалась, приставил кресло спинкой к окошку и стал внимательно обозревать обстановку.

Первое, что бросилось в глаза Скворцову — это был таинственный ящик, на который Скворцов осторожно сел.

Не получив результата от этого опыта, Скворцов постарался сдвинуть его с места.

Ящик легко подался.

Скворцов поднял его и установил, что под ящиком стоит еще один ящик.

Он поднял и его. Обнажился плинтус. И тут все стало ясно...

У плинтуса был телефонный штепсель, но самого телефона не было...

Он стал шарить по стене, наткнулся на выпуклость, надавил на нее и дощечка легко поднялась вверх.

В нише был телефонный аппарат.

Скворцов взялся за трубку, но станция безмолвствовала.

Необходимо было найти еще какой-то провод, который заставил бы реагировать станцию.

Скворцов стал исследовать провода и обнаружил вскорее, что штепсель вставлен в гнездо одной вилкой.

Он включил штепсель полностью.

Загорелась синяя лампа.

Скворцов взял трубку и какой-то женский голос сейчас же ответил.

— 33 первая 3...

— Алло, — сказал Скворцов.

— Лампочка?

— Цвет? — спросил уже тревожно женский голос.

— Горит синяя лампа, — ответил Скворцов.

Раздался женский смех и уверенный голос ответил:

— Это путаница,...

Контакт был прерван.

Скворцов с досадой подумал:

— Да тут сложная конспирация. Без шифра, пожалуй, влопаешься.

Он тотчас же записал слова женщины, говорившей с ним по телефону и уже собрался было продолжать свои эксперименты, как до него донесся пронзительный свист.

— Вот она, — подумал Скворцов, — моя «машина». Никаких изобретений, никакого усовершенствования — два пальца под язык, сильный напор глотки. И сигнал готов.

Ему представилась фигура мятущегося Жукова, потерявшего терпение и, наконец, решившего дать о себе знать таким «конспиративным путем».

VII

Автомобильный насос

Первое движение души бесхитростного Жукова было — немедленно исполнить то, что было ему приказано.

Но, когда Жуков начинает анализировать свои будущие действия, то неизменно впадает в скептицизм и решает безапелляционно следовать велениям своей логики.

Так было и с тем поручением, которое ему было дано Скворцовым.

Ведь если бы Жуков звонил из дома № 55, то машина была бы во время и не понадобилась та рискованная сигнализация, которая на этот раз случайно прошла благополучно.

Не дойдя до дома № 55, Жуков решил попытаться позвонить из дома № 52, который был расположен напротив и на углу.

Расчет оказался на этот раз правильным — в доме нашелся телефон, Жуков позвонил и под впечатлением № 52 коротко продиктовал:

— Подать к заставе у дома № 52.

Выйдя из этого дома, он забыл о 52 номере и вспомнив приказание Скворцова, стал ждать машину у дома № 55.

Вот почему машину, завернувшую за угол и, казалось, исчезнувшую, он, естественно, не мог принять за вызванную им же машину.

Тщетно прождав у этого номера, Жуков, наконец, решил пойти на встречу машине, когда приключилось нечто, которое впоследствии прошло не бесследно...

Перейдя улицу, Жуков наткнулся на какой-то твердый предмет, всосавшийся в жидкую грязь.

Он наклонился, поднял и вместе с тем явственно услышал, что какой-то тяжелый предмет шлепнулся рядом с ним в лужу.

Жуков немедленно стал исследовать свою находку и вскоре убедился, что это автомобильный насос.

Глубокомысленно решив, что это «что-нибудь неспроста», ибо, если здесь прошла своя машина, то это будет легко установить, но если чужая — то интересно: чья?

Не решил этот вопрос, ибо в темноте его и решить было нельзя.

Жуков пересек улицу, остановился у дома № 52 и произнес:

— Кругом вода! Ничего не разберешь!..

И в этот момент заметил в темноте силуэт машины.

Жуков твердо направился к ней...

Подойдя к машине, он на всякий случай уверенно опустил руку в карман, чтобы нащупать револьвер. И каково же было его удивление...

— Умри, Денис! Твоя песенка спета...

Вода...Хлещущий дождь... Дикая слякоть под ногами... № 52... № 55... Силуэт автомобиля...

Все закружилось!..

Карман был пуст...

Жуков похолодел от неожиданности, совершенно искренне вознегодовал на то, что, когда он подымал насос, у него был вытащен револьвер.

— Но кем?! Кем?! Вот задача...

Не мог же в самом деле в уличной луже находиться человек, который так бесцеремонно и бесстрашно осмелился бы украсть оружие?!

— И черт его дернул упустить шпиона... Чтобы потом плутать по темным улицам с риском самому быть пойманным!..

Не успел Жуков закончить своей мысленной фразы, как сзади действительно появилась вопрошающая тень:

— Не знаете ли № 55?

Этого было достаточно, чтобы напряженные нервы Жукова получили полную разрядку.

Он взмахнул насосом. Тень с легкостью перехватила на сос, радостно прошептав:

— Вот он, проклятый...

— Каюк! Влопался! — подумал Жуков.

— Товарищ Жуков, — зашептала тень, — мы вас везде ищем... Куда вы девались?

— А где револьвер? — растерянно произнес Жуков.

— Вот он... — сказала тень и тут же передала Жукову браунинг. Но браунинг был не его и Жуков все еще оставался в недоумении: куда мог деваться его собственный?

Затем он поспешно направился к машине, указал условное место, а сам опять пересек улицу, скользя ногами по жидкой грязи.

Дойдя до большой лужи, Жуков засучил рукав и опустил руку в воду.

Обшарив дно, он наткнулся на свой револьвер, вытащил его, радостно вздохнул, тщательно вытер, положил в карман, подошел к машине и передал шоферу его браунинг.

Затем, завернув за угол, Жуков сильно свистнул, вложив два пальца в рот.

VIII

Тур-де-тет

Услышав свист, Скворцов быстро сбросил с себя шинель, болотные сапоги... Спустив брюки вниз, он вытащил из кармана легкие ботинки, надел их.

И, взглянув на себя быстро в зеркало, убедился, что в таком наряде он может совершенно спокойно войти в любой посольский салон для своих дальнейших целей.

Под шинелью был надет полный визитный костюм.

Дойдя до выходной двери, Скворцов улыбнулся, вскинув многозначительно брови, вытащил блок-нот, что-то на нем черкнул и приклеил к стене.

Затем осветив темный коридор потайным электрическим фонариком, он смело шагнул в нишу, отодвинул засов и очутился на улице..

Обозрев спокойно местность, Скворцов по железной лестнице узнал сразу то место, где он был схвачен.

Он направился в противоположную сторону и явственно услышал чьи-то крадущиеся шаги.

— Не поворачиваться... — пронеслось в его голове. Шаги приближались. И вдруг он очутился в чьих-то железных объятиях.

Не теряя ни секунды, Скворцов приемом тур-де-тет опрокинул противника...

— Умри же, Денис!

В грязи барахталась перед ним фигура Жукова.

— Да ты, оказывается, баловник, дружище...

— Черт вас разберет, — растерянно прохрипел Жуков, — ушли в шинели, а вышли в этом платье.



— А вот тебе еще один урок, — авторитетно сказал Скворцов и спокойно уселся в машину.

Леди радостно лизнула щеку Скворцова, машина бесшумно двинулась с места и покатила за заставу.

К этому времени стихии окончательно надоело бушевать...

Дождь опять прошел. Сильный ветер свирепо гнал черные тучи по темному небосклону.

И часть за частью обнажилось небо от этого ночного флера...

Навис чистый звездный купол...

Выкатилась луна, которую так тщательно скрывали темные, ненастные тучи. И заблестала ярким серебристым светом вся окрестность...

Печальная окраина вдруг загорелась таинственным, зачарованным светом полной луны...

И все лужи засверкали, как драгоценные камни, на темно-бархатном фоне черной земли.

IX

По следам

Машина шла уверенно вперед.

Неожиданно Скворцов остановил шофера и коротко приказал:

— Ждать 10 минут по часам. Затем догнать меня... Жуков, за мной!

С этими словами Скворцов слез с машины, за ним Жуков и на ремне у последнего — Леди.

Они широкими шагами шли вперед.

Скворцов, заложил руки за спину, низко опустив голову, шел, изредка освещая путь своим фонариком.

— Верно, следы ищет... — подумал Жуков.

Скворцов в этот момент остановился, внимательно исследовал почву, осветил фонарем и медленно, сосредоточенно произнес:

— Ну-с, теперь пустим Леди...

Леди рванулась вперед, лишь услышала свое имя, и разом бросилась на намеченное Скворцовым место...

— Ищи, ищи... — приказательно сказал Скворцов.

Леди обнюхала все место, внезапно рванулась влево, за ней сделал прыжок Скворцов. Собака замоталась на месте, вернулась назад и уверенно пошла по прямой...

Здесь прерывался след колес автомобиля и видно было протоптанное место со следами ног.

Скворцов взглянул на часы и обратился к Жукову:

— Дождись машины и следуй за мной.

И быстро пошел за собакой...

— Ищи, ищи... — каким-то проникновенным голосом точно внушал Леди Скворцов.

Собака сделала стойку. Затем строго посмотрела на Скворцова и завернула по незаметной тропинке направо.

Скворцов пошел за ней.

Машина с Жуковым медленно следовала за ним.

Вдали был виден небольшой особняк, окруженный решеткой.

Леди быстро ринулась вперед, не отнимая носа от земли.

За ней следовал, не отставая, Скворцов. Собака добежала до решетки и остановилась как вкопанная.

Скворцов одним прыжком был около собаки, схватил ее за ошейник и тихо, но внятно произнес:

— Тубо!..

Собака замерла и умными глазами посмотрела на Скворцова.

— Хорош! Хорош!

Собака радостно завиляла хвостом, дав знать, что она поняла хозяина и его одобрение.

Тем временем нетерпеливый Жуков лихорадочно ждал результата ночной кампании.

Шофер отвел Леди, а Сковорцов с Жуковым перелезли через решетку и ползком направились к крыльцу особняка.

Кругом все было пустынно..

Сковорцов сполз с крыльца и тихо пробрался к еле освещенным окнам.

Потянулся к карнизу и заглянул в окно...

Шофер, оставшись на дежурстве вместе с Леди, случайно заметил силуэт другой машины, которая была спрятана в ближайших кустарниках.

Он направился к ней.

В это время сзади на него набросился кто-то и завязалась драка.

Неизвестный явно побеждал шофера.

Сорвавшаяся с привязи Леди легко «взяла» решетку и в несколько прыжков очутилась около Сковорцова...

И вновь стремительно побежала назад...

— Беги за ней, — быстро прошептал Сковорцов — Жукову.

Жуков, сломя голову, ринулся за собакой. Ему ли не перепрыгнуть решетки...

Он грузно упал на барахтающихся борцов, быстро скрутил руки неизвестному. И вместе с шофером связали притихшего теперь человека и положили в свой автомобиль.

Затем Жуков побежал обратно.

Х

Несомненное ли предательство?..

Жуков застал Сковорцова висящим на карнизе и спокойно обозревающим внутренность полуосвещенного особняка...

Во второй комнате тускло горела керосиновая лампа, под ней стоял небольшой круглый стол и спиной к окну работал над зарядкой какой-то жестянки с проводами Ка-

ра. Его видно было в полуоткрытую дверь.

Кивком головы Скворцов дал понять Жукову, что нужно действовать.

— Вырезай стекло...—прошептал он.

Жуков вырезал алмазом маленькое отверстие в стекле окна, вставил в него сучок, зацепил занавеску, притянул к отверстию и поджег занавеску.

Все это он сделал под тихую диктовку Скворцова.

Занавеска запылала...

Кара повернулся к окну и при виде пылающей занавески бросил жестянку в первую полутемную комнату.

Жестянка зашипела, закружилась...

И все покрылось сразу едким дымом...

Скворцов крепко держал за руку Жукова и что-то выжидал...

Дым понемногу рассеялся, Скворцов отпустил руку Жукова и, отступив от окна, скрылся в темноте.



Жуков, почувствовав свободу, ринулся через выбитую раму в комнату прямо на Кару.

Кара, заметив Жукова, бросился ему навстречу, ловким приемом бокса сшиб его с ног. И выпрыгнул в окно.

Жуков, оглушенный, не сразу мог подняться. Но, поднявшись, немедленно ринулся в другую комнату и... оцепенел...

Спиной к нему стоял человек в коверкотовом пальто и стрелял в убегающую фигуру!

Узнав по одежде Скворцова, Жуков вылетел обратно в сад особняка, быстро пробежал его и перелез через забор...

И опять замер от удивления.

Ибо Кара поспешно влезал в свой автомобиль, шофер его сидел на своем месте, а Скворцов сидел за рулем своего автомобиля... Теперь для Жукова не оставалось уже ника-

кого сомнения, что он является свидетелем какого-то гнуснейшего предательства... Но... Но... Но...

ЧЕРНОЕ ДЕЛО

I

Человек в коверкотовом пальто

Не было никакого сомнения. Человек в коверкотовом пальто с контуженной рукой, стреляющий в свою бегущую тень... кто это?

Это — либо плод разгоряченной фантазии Жукова, либо — реальная фигура, до сих пор не встречавшаяся в описанных нами перипетиях...

Ибо вряд ли Жуков мог бы с уверенностью предъявить обвинение Скворцову в какой-то странной двойственности, так как внешний облик, небольшая плешка на голове, шляпа и коверкотовое пальто — все это дополняло умозаключения Жукова...

Одно лишь вводило его в сомнение:

— Панцирный браслет с медальоном!..

Подведя легкий итог перегруженным впечатлениям, Жуков сел в машину рядом со Скворцовым и уставился на него пристальным взглядом.

Он ел глазами его руки, спокойно правившие рулем...

Тем временем коверкотовое пальто, выпустив 7 зарядов, подбросил револьвер в воздух, поймал его с легкостью жонглера, стал на подоконник комнаты особняка и, сделав кошачий прыжок, исчез в темноте.

Итак, два автомобиля, один за другим, на порядочном расстоянии вступали в черту города.

Единственная мысль, которая сверлила в мозгу Скворцова:

— Правняться на углу с передней машиной...

Но красивый, сильный ландоле, развивший ход «до отказа», быстро несясь вперед с невероятной силой — и, конеч-

но, машина, управляемая Сковрцовым, могла его догнать лишь на прямой...

Местность же была перерезана многими переулками и закоулками — обычная картина окраины большого города.

Из поля зрения Сковрцова машина то и дело уходила.

Он перевел рычаг на предельную скорость..- Машина рванулась вперед.

Жуков, крепко положивший однажды раз на всегда:

— Никому не верить!

На этот раз осуществил свое решение тем, что вытащил револьвер и решил стрелять в мелькающую перед глазами машину.

Но...

Вы помните... роковую лужу близ дома № 55, откуда Жуков извлек свой револьвер?

Эта грязевая ванна мало принесла пользы жуковскому браунингу.

Теперь он не стрелял!

— Что же ты, братец мой, стреляешь из незаряженного револьвера? — усмехаясь, точно поддразнил его Сковрцов.

Жуков вспыхнул...

— Заряжен... — с остервенением прошипел Жуков и выбросил револьвер на дно машины. — Да не стреляет, хреновина!

Оглянувшись назад, Жуков с любопытством стал рассматривать то, чего он до сих пор не заметил...

В кабине машины лежал связанный по рукам и ногам шофер Кара, знакомый нам, а на сиденье автомобиля возлежала красавица Леди...

— Да... Вот где черт ломает ногу!.. — подумал Жуков.

Не успела эта мысль оформиться в его голове, как он окончательно убедился, что передняя машина решительно исчезла от них...

II

Светопреставление

Забрезжил рассвет...

Передняя стосильная машина с невероятной ловкостью на всем ходу прошмыгнула все переулки и закоулки и вышла на прямую.

Великолепный Кара во фраке, но с спутанными волосами, без шапки и пальто, мерно покачивался на пружинных подушках, то и дело оглядывался в заднее окошко закрытого кузова.

И убедился, наконец, что его машина на расстоянии безусловной неуязвимости.

Впереди за рулем сидел преданный человек, в столь знакомой ему дохе, упрямо вперив взор в пространство — словно решив не пожалеть себя, а выручить его.

Ведь с такой бешеной скоростью даже опасно было ехать по городу!

В зеркальном отражении мелькали перед глазами темные силуэты домов и бегущих улиц, отвлекая внимание Кары.

Он механически повернул отражатель и, к своему великому ужасу, увидел в нем чужое лицо...

Это был не его шофер — преданный человек, а некто другой в его полной одежде.

Времени терять было нельзя ни одной секунды!..

Мысль Кара работала молниеносно, но с необыкновенной точностью...

.

Шум мотора... Неровности пути... Каменная неподвижность шофера, из опасения быть узанным — все это было учтено мгновенно Карой.

И решение сразу созрело.

Открыв бесшумно окно, высунув обе руки, он схватился за решетку автомобильного верха и легко перебрался на крышу.

В следующий момент Кара, размеренным движением акробата, схватился за решетку ближнего тамбура в каком-то здании...

И очутился на новой крыше.

В следующую минуту до него явственно дошел звук скрипнувшей тяжелой двери, мелькнули звуки отдаленной разухабистой музыки, а затем и голоса.

— В таком виде, мой дорогой, пешком мы не дойдем, — говорил женский голос.

В ответ послышалось мычание, завершленное громким пьяным иканием.

— Со-огласен, дорогая... И-к!

— Несомненно — это ночной кабачок!

Кара, выждав, пока его автомобиль скрылся за углом, готов был уже прыгнуть на землю, как раздался пьяный рев.

— Изво-о-озчик!

Послышалось дребезжание пролетки...

В следующий момент пьяный нэпман барахтался на земле, а Кара в его пальто и шляпе мчался на извозчике.

Женщина подняла невероятный визг.

В дверях показались встревоженные лица, а пьяный нэпман все еще валялся в грязи.

И кричал:

— Светопреставление! Светопреставление! Караул!..



III

«Бандерольное» дело

Машина Скворцова сделала последний поворот и, выйдя на прямую, врезалась в самую гущу предрассветного скандала.

Милиционер, желавший использовать машину для скорейшего доставления жертвы внезапного ограбления в отделение

— На предмет составления протокола...

наткнулся на упрямство Скворцова и нежелание его подчиниться власти...

В следующую минуту Жуков отвел милиционера в сторону, показал ему какую-то книжку.

Милиционер откозырнул и вытрезвевший нэпман и его «подруга жизни» были усажены в автомобиль, «как вещественное доказательство».

— На всякий случай... — сказал Скворцов.

Поворот рычага на предельную скорость и машина ринулась вперед с новым «ночным грузом».

Еще один поворот, затем налево...

И впереди ему стал виден силуэт здания угрозыска...

.

Машина, мерно замедляя ход, въехала во двор и остановилась. Из нее выпрыгнул Жуков, за ним Скворцов...

К ним тотчас же подошел сконфуженный шофер с растерянной улыбкой.

— Не довез? — спросил Скворцов.

— Исчез! — а как... и сам не знаю.

Скворцов вспомнил свой приказ шоферу: ехать предельной скоростью и не оглядываться...

Скворцов, не сказав ни слова, прошел в здание.

Жуков развязал шофера и пригласил следовать за ним. Туда же поплелись взбудораженные нэпманы...

Скворцов отпустил их очень быстро, но с тщательностью установил со слов экзотической подружки нэпмана наруганность напавшего человека.

Поверхностно перебрав текущую переписку, Скворцов вышел из своего кабинета в коридор, наткнулся здесь на Жукова, который все еще оставался в своей кожаной куртке, измазанной грязью.

— Ну, пойдем, Колян, со мной, — шутливо сказал Скворцов.

Они спустились вниз по лестнице, вышли во двор, прошли в другое здание, поднялись во второй этаж...

И открыли камеру Кары.

В камере был беспорядок, пол был засыпан кусками обвалившейся штукатурки от вынутаго камня.

Скворцов сел на нару и внимательно стал обозревать всю камеру...

Затем он подошел к камню, исследовал его очень тщательно, желая установить орудие, которым он был вынут.

В зияющем отверстии стены валялся металлический предмет.

Скворцов его взял, усмехнулся, передал Жукову и весело спросил:

— Определи-ка мне, что это за предмет?

— Сапожный гвоздь... — пробормотал Жуков.

Повисла пауза.

— Так вот, дружище — ты и сообрази, что организация, с которой мы боремся — та же, что была нами обнаружена в том городе, где ты был подмастерьем... — и не успел он договорить, как сорвался с нар и стал перед противоположной стеной.

На стене была прикреплена записка.

Скворцов протянул к ней руку, а Жукову, стоявшему за спиной, вновь представилась картина, не перестававшая его смущать...

Коверкотовое пальто... Небольшая плешка... Протянутая рука... Но на этот раз не с револьвером, а с бумажкой.

Жукова вывел из оцепенения веселый смех Скворцова.
— Прочти, Колян!..
И Жуков прочел на бумажке:

Сыщик, красный — враг не опасный!

— Вот это... дело... бандерольное! Прилепил! — с захлебом проговорил Жуков.

— Но гораздо интереснее будет, — сказал Скворцов, прищулив левый глаз, — когда они прочтут мою записку...

Этого никак не ожидал Жуков и про себя подумал:

— Ну, понятно... Списались!...

IV

«Шеф»

На том же извозчике Кара доехал благополучно до центра, расплатился с ним, слез и быстро завернул в ближайший переулок...

Позвонил у подъезда городского особняка условным звонком. Дверь открылась почти немедленно.

Кара быстро вбежал по лестнице. Скинул пальто и шляпу, передал все это швейцару Броуну и коротко бросил:

— Сжечь!

Вошел в комнату, разделся догола. В следующий момент он был в ванне, стоя под холодным душем.

А через несколько минут, уже свежий и очень элегантно одетый, сидел в уютной столовой, где сервирован был кофе и легкий завтрак.

За хозяйку здесь сидела Блосская и любезно угощала своего собеседника.

Кара быстро ел.

Этот человек все привык делать быстро, точно вся жизнь его проходила между короткими остановками курьерского поезда.

Вкратце он ознакомил Блосскую со всеми своими приключениями последней ночи.

— Нужно переговорить с шефом... — закончил свой рассказ Кара, — требуется быстрое изменение всей структуры. Мы наткнулись на сильного противника... Этот Скворцов мне очень не нравится...

В соседней комнате в роскошном кабинете в глубоком кресле с высокой спинкой сидел «шеф».

И ласково приветствовал Кару, когда тот кончил свой доклад.

— Без денег нет движения, — коротко заключил шеф.

И передал своему главному агенту написанную шифром телеграмму.

Затем Кара вытащил из карманов нитку жемчуга, несколько пакетов с драгоценными камнями — все это передал шефу...

А планы Кара передал в пакете.

— Я сдаю все... Имею основание думать, что на мой след здесь напали...

— Мною получены инструкции о переброске нашей работы из центра на Запад. Весь наш план мною уже переконструирован. На Западе предстоит серьезная операция согласованных действий с одним из отрядов под начальством эмигрировавшего бывшего революционера. Наш штаб, однако, остается здесь. Со мной будет работать la belle m-me Блосская и Броун. Вы и Хлопс можете отдохнуть до завтрашнего дня, а завтра, получив документы в акционерном обществе, — выкупите в таможне прибывшие на имя общества автомобильные части... А теперь — прошу вас оставить меня одного. У меня еще много недоделанной работы... Не выходите из стен особняка — можете понадобиться каждую минуту.

Кара и Блосская тотчас же вышли из кабинета.

«Шеф» тяжело вздохнул...

Монолог, произнесенный им минуту назад — это была самая длинная тирада за всю его жизнь.

Привыкши всегда действовать, — он слишком мало говорил...

А разговорчивые люди расцениваются им очень низко.

.

V

«Царская стоянка»... С молотка?

Улицы Перу в Константинополе сегодня были оживлены каким-то особым оживлением...

Обычно в этой европейской части Константинополя редко можно было видеть обитателей Галаты, этой демократической и торговой части столицы оттоманов.

Здесь царила Европа...

Теперь обитатели Галаты щедро заливали широкие улицы европейской части города — греки, армяне, молдаване — купцы и перекупщики толпами валили в одну центральную точку Перу.

К знаменитому кабачку под громким наименованием: — «Царская стоянка»!

Теперь здесь уже не гремела веселая музыка, не слышалось страстных завываний цыган и румынского оркестра...

Не было видно и пестрой, роскошной толпы жадных до зрелищ туристов из Европы.

Здесь был... плач и скрежет зубовный!

Конечно, — не в буквальном смысле этого слова, ибо никто в действительности не плакал и зубами не скрежетал...

А просто: «Царская стоянка» лопнула и все имущество ее теперь продавалось с молотка...

Где стол был яств —
Там — гроб стоит!...
Где пиршеств раздавались клики —
Надгробные там воют лики...
И грозно смерть на всех глядит!

Так сказал бы поэт Державин, если бы взглянул на теперешнюю обстановку шикарного кабаре, на развалинах коего возвышался лишь бесстрастный аукционист с лицом продавца живого товара.

Все, что успела вывезти богатая, белая эмиграция из своих былых роскошных особняков — венецианские зеркала, хрусталь-баккара, валансьенские кружева, старинное фамильное серебро — все теперь шло с молотка и раскупалось за гроши жадной толпой смуглых торгашей из Галаты.

Стучал молоток аукциониста...

И как бы заколачивал первый гвоздь в гроб белой эмиграции...

Прошли веселые дни Аранжуэца!

А бывшие хозяева «Царской стоянки», забрав свои манатки и не доплатив хозяевам роскошных особняков — перебрались уже в скромные отели.

Десять пиастров — пансион!

Конечно, не могло быть и речи об удобных и пышных покоях, об изысканных блюдах и живописных видах на бухту Золотого Рога.

Вонючая Галата приняла их в свои объятия...

И давала им ровно столько, сколько ей платили за товар...

Подобно тому, как алчный торговец скорее обвесит, нежели перевесит, так и жадная Галата, старинная торговка всякими товарами до «живого» включительно, старалась дать мало и взять побольше.

Вся эта бывшая свора «Царской стоянки» уныло сновала по коридорам грязных отелей, махнув на все рукой...

В среде их не было лишь седого председателя совета «Защиты родины», который с ликвидацией предприятия

«отбыл на лазурные берега Принцевых островов».

Один лишь Хвалынский не сдавался и замыслил план, который ему казался верхом совершенства.

Он давно метил на пост председателя «Защиты родины» и теперь решил свалить все неудачи на своего исчезнувшего предшественника.

И вновь завербовать иностранный капитал на авантюры...

Решено и сделано.

Генерал Хвалынский первым долгом переехал в гостиницу, рангом чуть повыше тех, в коих ютилась средняя эмиграция.

Предварительно он ликвидировал бриллианты жены, приобретенные на средства щедрых авансов.

Но, будучи последовательным в своей «аристократической фанаберии», решил сохранить хотя бы минимальный штат прислуги...

И, конечно, — Таню Винокурову.

Дескать: лопни, но держи фасон!..

VI

Фальшиво пропетая песенка

Таня Винокурова привыкла уже быстро ориентироваться во всех случаях жизни...

Она не растерялась и на этот раз.

И перед выездом из особняка в своей комнате вынула изразец из камина, извлекла спрятанный там план и другие бумаги.

И все это тщательно спрятала на себе.

В отеле, куда переехали Хвалынские, Таня заняла маленькую комнату с кроватью и ночным столиком.

Не успела она разложить свой немудрый багаж, как раздался звонок, и Таня вынуждена была пройти в комнату m-me Хвалынской.

Здесь она случайно заметила, что генерал что-то тщательно прячет под тюфяком кровати.

— Приготовьте его превосходительству фрачную пару, — приказала генеральша.

Таня исполнила приказание.

И вернулась к себе.

Спустя полчаса генерал Хвалынский, уже готовый к выходу, стоял в коридоре и говорил Тане:

— Генеральша будет у соседей, а я ухажу часа на два. Следи за квартирой.

Затем быстро спустился по лестнице, сел в автомобиль и поехал к военному министру.

В секретариате военного министра было немного публики.

Генерал Хвалынский твердым шагом подошел к выложенному секретарю и передал свою визитную карточку.

— Прошу садиться и подождать!.. — с косой улыбкой сказал секретарь. Генерал Хвалынский опустился в удобное английское кресло и решил ждать даже в том случае, если ему придется просидеть до морковкина заговенья!

Знакомый нам министр, столь очаровавший всех своей щедростью на банкете, сидел за громадным письменным столом, величине которого позавидовал бы любой хозяин биллиардной, и вчитывался в какой-то приказ, делая на нем отметки.

Бесшумно отворилась дверь. По мягкому ковру скользнул секретарь. И, став в почтительную позу, положил перед министром визитную карточку.

Министр взглянул на карточку одним краем левого глаза, криво усмехнулся, отчего у него выпал монокль из глаза, и отрицательно покачал головой.

Дрессированный секретарь все понял.

Опять бесшумное скольжение по ковру... И лощенная фигура секретаря предстала перед Хвалынским.

— Вам отказано в приеме...

С генерала Хвалынского слетела вся спесь, он понял, что песенка его была фальшиво пропета, он растерянно протянул руку секретарю...

Секретарь этой руки не заметил...

Нетвердой походкой, словно пьяный, вышел Хвалынский из особняка военного министра.

Что теперь оставалось делать этому бывшему генералу, привыкшему придирается к каждому случаю, чтобы топить горе и радость в вине?

Теперь случай этот представлялся. Огорчение было слишком великое. Он завернул в бар. Занял отдельный столик и жадно набросился на трипель-коктейль...



.

VII

Победа цивилизации

От бухты Босфора потянуло вечерней прохладой...

На тонких минаретах муллы и муэдзины запели свою вечернюю хвалу Аллаху...

Турецкий город погружался понемногу в темноту, а главная улица Перу открывала свою ночную жизнь...

Засверкали разноцветные огни кафе и ресторанов...

Бары выбросили свои зеленые фонари с лучистыми прожекторами.

По широким панелям сновала нарядная толпа жаждущих веселья и ночных приключений европейцев, всегда и везде создающих свою жизнь веселого лупанара, куда бы их не забросила судьба.

А в это время в гостинице Таня Винокурова спешно укладывала в ручной саквояж пачки турецких лир, добытых из под тюфяка генеральской кровати.

Накинула на себя довольно хорошее демисезонное пальто, опустила густую вуаль на лицо, вышла по черному ходу на улицу, села в ближайший автомобиль и приказала скорее ехать за город.

Машина взяла направление в лагеря пленных солдат.

Быстро миновали город и въехали в предместье.

Вдали показались распланированные как улей квадраты — это были бараки интернированных солдат.

Лагерь из себя представлял квадрат правильно распланированных барачков, охраняемых цветными войсками — гурками.

По физическому типу в гурке отличительные черты монгольской расы: низкий рост, мускулистое телосложение, смуглая кожа, прямые волосы, лицо с выдающимися скулами, но узким и прямым носом.

В момент приезда Тани интернированные русские были выведены на вечернюю прогулку, совершая таковую в проходах между бараками.

Все гуляющие были окружены вооруженными гурками, которые весьма грубо подталкивали отстающих пленных, ибо все пленные обязаны были гулять гуськом...

Среди гуляющих был и Дроздов.

Вскоре прогулка кончилась и всю эту массу стали загонять в бараки.

Барак представлял из себя одну длинную комнату шагов 8-10 в ширину и 45-50 в длину, разделенную проволокой на 3 равные части. Никакой мебели или приспособлений для сидения не было.

Арестованных направляли в среднюю часть барака, а в других частях, отделенных от арестованных колючей проволокой и примыкающих к выходным дверям, был пос-

тавлен караул вооруженных гурок — от 30 — до 40 человек.

После того, как все арестованные располагались на полу, входил адъютант командующего британскими войсками и начиналась переключка и проверка «живого инвентаря».

В этом же бараке, за отдельной перегородкой из колючей проволоки, сидел душевнобольной, проявляющий часто буйство.

Сидящие тут же остальные пленные в страхе жались друг к другу в дальнем углу тюрьмы-барака.

Дроздов заявил протест адъютанту:

— Этак мы все здесь с ума сойдем!

Адъютант не обратил никакого внимания на протест и приказал ближайшему гурку разносить кашу из бобов.

Военный врач-англичанин пришел в барак, подошел к колючей проволоке, за которой сидел больной, дал приказ связать его и свалить на пол.

Это было исполнено «гурками».

После этого он «храбро» вошел в отделение и собственноручно стал наносить больному удары хлыстом.

Европейская «цивилизация» была на всех парах! Обесиленный больной стих и, весь дрожа, жалобно куксился...

VIII

Санитар с каменным лицом

На территорию барачков въехал автомобиль.

А в нем Таня Винокурова.

Она слезла с автомобиля у штаб-квартиры командующего, поднялась наверх по лестнице и попросила о себе доложить.

Адъютант доложил начальнику штаба:

— Русская балерина Винокурова.

Начальник штаба кивнул головой и Таню впустили к нему.

— Я прошу выдать мне на поруки Василия Дроздова, находящегося в вашем распоряжении. Он мой жених. И мы должны повенчаться.

Командующий приказал привести Дроздова.

По телефону дали знать в барак и под охраной пяти вооруженных гурок Дроздов был доставлен в штаб-квартиру.

Командир бегло просмотрел список арестованных и прочел против фамилии Дроздова, под рубрикой — квалификация:

Инициатор бунта на пароходе.

Дроздова увели.

Командир наотрез отказался освободить Дроздова.

Просить разжиревшего начальника Таня считала ниже своего достоинства.

Она молча вышла из кабинета.

Быстро сбежала по лестнице. Села в автомобиль и решила сейчас же ехать к военному министру.

Не успела она отъехать и нескольких метров, как ей перерезал путь какой-то человек, став поперек дороги.

Шофер остановил машину.

К Тане вплотную подошел незнакомец и в нем она не без труда узнала... санитару с каменным лицом, который их так ошеломил в лазаретной карете.

На этот раз лицо его приветливо улыбалось.

И он передал молча Тане письмо.

Пока она читала письмо, около санитары выросла фигура гурка, мирно разговаривающего с санитаром.

— Я на все согласна, — сказала Таня, — передайте этому солдату деньги. Не говорите со мной по-французски. Здесь иностранный шофер. Немедля отправляйтесь в барак. Я буду вас ждать на машине на повороте у опушки леса.

С этими словами она передала пачку лир санитару, этот — гурку. Гурк, в восторге от такого количества денег

сделав почтительный поклон Тане — как стрела побежал к баракам...

— Товарищ, — сказала Таня, — эти деньги я даю вам. Это три четверти того, что я добыла у генерала Хвалынского. Мне эти деньги не нужны. Возвратите их тем, у кого они отняты. Постарайтесь на эти деньги улучшить положение несчастных... А может быть, с помощью их вы сумеете освободить не один десяток пленных.

Санитар молча пожал ей руку и коротко бросил:

— Все будет сделано. Ждите у опушки...

Он исчез в кустарнике.

Тем временем гурок подкрался к месту Дроздова, лег рядом с ним, снял с себя обмундирование и надел на себя лохмотья Дроздова.

Дроздов оделся в мундир гурка, взял его карабин и быстро пошел по образовавшимся от бараков улочкам. И вышел из территории концлагеря.

В 11 часов вечера прошла последняя проверка по баракам — все было в порядке...

IX

Обманутая виселица

Дроздов, выйдя из территории концлагеря по заранее условленному плану, быстро побежал к лесу...

У опушки стоял автомобиль.

Через минуту машина стремительно катила к городу.

Но кто не знает, что один поступок влечет за собой другой и часто более тяжкий по последствиям, чем первый.

Так было с нашим турком.

Чуть наступило утро, гурок вылез из занятого места, побежал к реке, скинул с себя лохмотья Дроздова, привязал к ним груз и бросил в воду.

А сам оделся в военную форму и спокойно направился

к посту.

В 7 часов утра началась перекличка.

С каким-то остервенением комендант несколько раз выкрикивал фамилию Дроздова, коверкая ее на все лады, но Дроздова не было.

В лагере был переполох.

Дали знать адъютанту по телефону о случившемся.

И командующий издал грозный приказ:

— Допросить всех и какой угодно ценой вынудить признание.

Так дорого оценивалась голова бежавшего Дроздова!

Уныние царило в бараках.

Ничего хорошего не предвещал приказ...

Гурки стояли отдельной группой. Их обыскивал адъютант.

Добравшись до сообщника Дроздова, адъютант обнаружил пачку лир.

И все стало ясно!

Первый удар стеком был нанесен.

Вслед за этим гурка истязали всеми способами усовершенствованной пытки...

Пока не добились признания...

Измощенный гурк лежал на земле.

Врачебную помощь оказывал ему санитар с каменным лицом...

Гурк шепнул санитару:

— Убей меня... Все равно меня повесят...

К санитару подошел адъютант и строго приказал:

— Перевязать ему раны, чтобы завтра на виселице он выглядел молодцом!

Санитар с каменным лицом кивнул головой, вытащил шприц и впрыснул гурку большую дозу распространенного среди гурок индийского яда.

Гурк спокойно закрыл глаза. Его положили на носилки и унесли в лазарет.

.

Наутро все обитатели барака были выстроены перед виселицей в ожидании казни.

В кабинете начальника штаба было смятение:

— Гурк обманул виселицу! Он умер.

По свидетельству врача, гурк умер часов 8 назад.

Начальник штаба, обращаясь к офицерам, сказал:

— Это большая неловкость, господа... Его все-таки надо повесить!

Никто не смел ослушаться приказа начальника...



И окоченевший труп гурка был повешен перед лицом интернированных солдат. Так совершился «акт справедливости».

Х

Генеральская халтура

Генерал Хвалынский накачался досыта триплъ-коктейлем и вышел из бара.

Нетвердой походкой подошел к автомобилю, нетвердой походкой поднялся по лестнице отеля.

И, придя к себе в комнату, тяжело упал на кровать.

— Все пропало! Это теперь несомненно... Но есть еще деньги, черт возьми. И на них я проживу безбедно по крайней мере год...

Он запустил руку под тюфяк, долго шарил:

И... ничего не нашел!

Вскочил как ужаленный, перевернул всю постель...

Но денег не было...

Все в нем заныло.

Хмель разом вылетел из головы.

— А!.. Проклятье!. — завопил Хвалынский диким голосом.

По коридору забегали эмигранты.

И вскоре гурьбой ввалились к нему в комнату.

— Ограбили! Ограбили!

На полу валялся генерал Хвалынский с безумными глазами.

К нему подошла жена.

Хотела помочь ему встать...

Разоренный, он хватил ее кулаком по лицу.

— Сволочь! Стерва! Гуляешь... Не смотришь ни за чем.

Жена маленького артиллериста пришла на помощь избитой генеральше.

И увела ее к себе.

Долго еще бушевал генерал. Его всячески увещевали.

А жена маленького артиллериста с каким-то очаровательным цинизмом говорила жене Хвалынского:

— Теперь настало время жить своим трудом... Я вам дам хорошие рекомендации. У вас есть хороший гардероб... Вы молоды и красивы...

Генерал Хвалынский, расстроенный, уничтоженный, вышел из гостиницы в сопровождении своего бывшего адъютанта и, придя в полицию, бессвязно заявил:

— Украла деньги прислуга Винокурова...

— Я вас не совсем понимаю: у вас украла или вы украли? — бесстрастно спросил полицейский.

— Я генерал русской армии Хвалынский, — гордо заявил он.

— Всякое бывает, господин Хвалынский. У нас теперь слишком много русских генералов...

Оскорбленный Хвалынский повернулся и вышел из комиссариата. Впрочем, заявление его было принято.

Затем, вместе с адъютантом, вошел в бар и там увидел свою жену, которая сидела в компании мужчин вместе с женой маленького артиллериста.

— Одной проституткой стало больше! — криво усмехнувшись, сказал Хвалынский своему адъютанту.

— Все там будем... — ответил адъютант, — ваше превосходительство...

Они незаметно ретировались из кафе-бара.

И остановились на улице.

Спустя некоторое время, генеральша со своей спутницей, окруженные свитой разжиревших буржуев, вышли из бара.

Генерал Хвалынский схватил за руку жену и крикнул ей:

— Давай выручку, шлюха! Всю жизнь кормил тебя я — корми теперь меня ты!

ХІ

Налет

Через две недели после описанных событий, не без большого труда, Тане и Дроздову удалось добраться до польской границы.

Они наняли скромную комнату и обследовали приемы перехода границы...

С этой целью они наняли подводу и пустились в рискованный путь. С наступлением вечера они достигли пограничной деревни и, зайдя в первый попавшийся дом крестьянина, нашли у него приют.

Плутоватый крестьянин-кулачок, владевший довольно обширным помещением, принял наших путников весьма подозрительно.

Но достаточно было показать ему кончик стодолларовой бумажки, как рожа хозяина расплылась в приятную улыбку.

Таково свойство всех кулаков...

Он отвел им просторную комнату, сытно накормил и, пожелав доброй ночи, вышел из комнаты.

Кулачок сей был себе на уме...

Двери его дома широко раскрывались для всех, кто откроет широко свой кошель.

И будь то — бандиты или спекулянты — всем был почет!

Стояла глубокая ночь, когда в двери дома постучали и повелительные голоса потребовали впустить их.

— Пропали... — шепнула Таня Дроздову.

Им слышно было, как босыми ногами шлепал хозяин...

И отворял двери...

Несколько человек вошли в коридор и, громко разговаривая, направились в дальние комнаты.

Все смокло...

Наутро Дроздов и Таня были свидетелями готовящегося налета на советскую границу.

Таня завела тотчас же знакомство с начальником отряда...

— Вот вы какие храбрые... Ничего не боитесь...

— Нам сам черт не страшен!

— И я была на войне...

— Сражались?

— Нет, за сестру...

— А муж?

— Он фершал...

— Фершал... Это дело. Идите с нами.

Сделка была заключена.

Через час весь отряд был на конях, а в тачанках — медицинский персонал отряда:

Татьяна Винокурова, сестра.
Василий Дроздов, фершал.

Отряд был готов к выступлению, когда начальнику был передан пакет.

Он вскрыл его, внимательно прочитал, разорвал и бросил помощнику:

— Нынче пароль: медальон. Передай взводным!

Отряд двинулся.

Вскоре показалась граница...

Пройдя две версты рысью, начальник отряда вытащил шапку, взмахнул несколько раз.

И налетчики пустились вскачь к границе.

Уже было видно, как наши пограничные части забежали по всему фронту.

Налетчики приблизились, рассеялись в цепь и вступили на территорию республики.

Они были встречены ураганным огнем красных...

Наши беглецы не зевали.

Дроздов погнал лошадь в обход цепи...

И очутился на территории Республики Советов.

— Вот она, милая... свобода!

С этими словами он вскинул винтовку, прицелился в офицера отряда.

И выстрелил.

Офицер упал убитым.

Таня, как в бреду, нашептывала ему:

— Бей их! Бей! За все! За все!!

Налетчики вынуждены были отступить и скрылись за холм, оставив раненых и убитых...

В черту пограничного поселка бешено влетел автомобиль...

Из него выпрыгнули двое неизвестных...

Убедившись, что налет не удался, один из них бросил ручную гранату.

Она разорвалась у стога сена...

И пламя ярко запылало. Все заволокло дымом...

Раздался колокольный звон в сельской церкви, кто-то там гнусил молитву во славу христоролюбивого русского воинства.

Вновь затарахтели пулеметы...

Из-за холмов показались налетчики. Интендантские склады горели.

И банда стала врываться в крестьянские хаты, грабя, насилюя и убивая мирных жителей...

На другом конце границы пылал волисполком...

А здесь, около начальника отряда, стоял Кара с Хлопсом и предъявили свои мандаты.

— Кто эти люди?

Кара указал на Винокурову и Дроздова.

— Это медицинский персонал отряда...

Хлопс вытащил два портрета, быстро взглянул на них и произнес:

— Они самые!

Кара сделал прыжок, сбил с ног Таню, а Хлопс с начальником отряда свалили Дроздова.

Все произошло в одно мгновение.

Дроздов и Таня связанные лежали в кабине автомобиля...

Их умчали в неизвестное направление...

Красная армия ударила в тыл налетчикам, обратила их в бегство.

Но черное дело было уже сделано...

ХП

Гвоздь... якорь и пакет

Два приятеля, связанные на первый взгляд общностью интересов, с другой стороны — один, будучи подчинен другому в своих взглядах на вещи и положение дела — находились на разных полюсах.

Один из них — молодой, стремительный, весь от порыва, всякий раз желал пользоваться полнотой предоставленных ему прав, когда ему представлялось, что в данный момент нужна военная организованная сила...

Другой — старался заглушить в себе желание пользоваться этой организованной силой, находил, что к ее помощи обратиться будет никогда не поздно.

Вместе с тем, как использование этой силы может огласить необходимую конспирацию, а потом и разрушить тот план, который составлен был им.

Таковы были Жуков и Скворцов.

Теперь они сидели в кабинете угрозыска, каждый погруженный в свою думу.

На простом столе, покрытом чистым белым картоном (этот картон обязательно менялся каждые три дня — такая была система Скворцова) — лежали предметы весьма простой формы, но заключающие в себе много неразгаданного.

К первым из них относился предмет в форме сапожного гвоздя. Собственно говоря, форму эту нельзя было назвать формой обычного сапожного гвоздя: утолщенный

в начале и заостренный в конце, он походил скорее на клин.

Но и от клина он отличался, во-первых — округлостью и — трещиной на протяжении всего клина-гвоздя.

Вот первая забота Сковорцова была определить:

— Что это за трещина?... Является ли она случайной или намеренной?

Но так как этот гвоздь в голове имел еле ощутимую выпуклость, то Сковорцов почти был уверен в том, что в этом кроется какая-то неизведанная тайна.

Так завершился ход мыслей Сковорцова,

— Дружище! Дай мне наш инструментальный портфель!..

Жуков, погруженный в свои мысли, вздрогнул от неожиданного обращения, подал ему портфель и сел рядом с ним за стол.

Сковорцов быстро вытащил никелированный молоток, плоскогубцы, а гвоздь-клин передал Жукову.

— Что вы собираетесь делать? — недоверчиво спросил Жуков, тараща на него глаза.

— Ничего особенного... Я собираюсь просить тебя подержать плоскогубцами этот гвоздь в вертикальном положении...

— А сами что будете делать?... — уже заметно волнуясь, спросил Жуков.

— Ничего... Кроме того, что ударю молотком по этому гвоздю...

Жуков похолодел.

— Все взорвет!... — подумал он.

Но все-таки зажал крепко гвоздь.

— Есть?

— Есть! — прохрипел Жуков.

Последовал сильный удар молотка по гвоздю.

И произошло нечто такое, чего никак не ожидал Жуков.

Но и сам Сковорцов был несколько поражен.

И, действительно, металлический предмет с гладкой округлой поверхностью превратился в ключ — причудливой

формы.

— Ключ!—воскликнул Жуков.

— Несомненно, ключ... И ключ не простой, а американский, — сквозь зубы процедил Сковорцов,

Таким образом, на столе было три предмета: американский ключ, маленький якорь на винте в форме жетона и нераспечатанный пакет.

— Вот видишь... — сказал Сковорцов, — в наших руках — следы организации, которая нами пока еще не открыта. Нам нужно быть очень внимательными и очень осторожными, оперируя с этими предметами. Ведь такие предметы могут просто одурачить человека... Если внимательно взглядеться в этот ключ, — продолжал Сковорцов, — то здесь мы найдем какие-то цифры... Это, несомненно, номер ключа.

Сковорцов приблизил ключ к Жукову и положил на него лупу.

— Смотри...

Жуков посмотрел и прочел:

— 33 — 33. —1.

— Теперь совершенно понятно, — сказал Сковорцов, — когда я попал в плен к Кара и нашел тайный телефонный аппарат — женский голос ответил мне вот этот самый номер. Тем самым мы определяем, что ключ этот имеет прямое отношение к нашим противникам.

Поэтому, дружище, запомни этот номер в том виде, в каком он написан, и в нужный момент — пусти его в ход. Ясно?

— Что яснее, — воскликнул Жуков и тут же подумал:

— Ну, еще круче запуталось... Как-то выберемся?!

Сковорцов спокойно продолжал;

— Теперь вот этот якорь...

Он взял со стола жетон в форме якоря и показал его Жукову,

— Если это был бы не якорь, а, к примеру — колесо с крылышками или шестеренка, то не следовало бы на нее обращать никакого внимания. Ибо совершенно естественно, что у шофера есть такой значок, определяющий его профессию.

Но когда у шофера противника я нашел эту штуку, то несомненно, что кроме ключа и номера на нем — якорь этот тоже имеет свое значение. Запомни, дружище, якорь... И следи за таким значком!..

С этими словами Скворцов взял со стола пакет, вскрыл его и прочел вслух:

В угрозыск.

Товарищи! Спасите... Мы находимся в плену, сами не знаем у кого. Нас поймали, когда мы перебежали границу. В Москве мы в первый раз. Где сидим — не знаем. Комната хорошо убрана. Удалось с трудом бросить это письмо на улицу. Умоляем, спасите, многое вам тогда расскажем.

Татьяна Винокурова.
Василий Дроздов.

Скворцов продолжал:

— Как видишь: это похоже на ловушку, на и на правду... Понимаю, что для тебя все здесь туманно совершенно... И для меня еще многое не ясно. Но я вижу вехи, по которым можно идти по этой опасной дороге... И мы по ней пойдем шаг за шагом, чтобы дойти до конца...

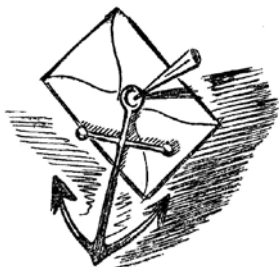
Запомни, дружище: здесь надо взять или все, или ничего не трогать — отказаться совсем. Наш противник широко раскинул свои сети и сил у него еще очень много... Идешь со мной до конца?

Жуков воодушевленно вскричал:

— Конечно, иду!

Руки их встретились в крепком рукопожатии...

Книга публикуется по первоизданию 1925 г. с исправлением очевидных опечаток и ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Издательство Salamandra P.V.V. приносит глубокую благодарность А. Степанову, способствовавшему возвращению этой книги читателям.



Оглавление

Первая часть

САПОЖНЫЙ ГВОЗДЬ

1. Отступление	8
2. Совершенно спокойная беседа	10
3. Безумный прыжок в неизвестность	11
4. Неприятная неожиданность	13
5. О том, чего не захотели иностранные матросы	16
6. Бунт	19
7. Фокс-трот... до бесчувствия	22
8. Партия свиней выслана	25
9. Странные стуки	28
10. Осталось?.. Нет, прошло	32

Вторая часть

НОМЕР СОРОК ДВА

1. Не робей. Еще поборемся	36
2. Горький смех... от сладкой надежды	39
3. II Интернационал и...фунт	42
4. Царская стоянка	46
5. Кукуруза «Герман Клоссе» из Гамбурга	50
6. Что решили за бутылкой вина	53
7. На что иногда пригодится рубашка	56
8. Ультиматум-голова — и прочее	60
9. Ультиматум в мусорном ящике	63

Третья часть

«ЧЕЛОВЕК В КРЕСЛЕ»

1. На бегущей дрезине	68
2. Ф. Хлопс, комиссионер	70
3. Баранину купить не удалось	72
4. Опять захлопали пробки	74
5. Банкет объединения	76
6. Таня Винокурова работает	79
7. Человек в кресле	82
8. Ю. Г. Кара	86
9. Непрошенный «зайчик»	88
10. Обычные ошибки секретарей	90

Четвертая часть

ГЛУХОЙ ОСОБНЯК

1. Три тени	94
2. Голубая лисица	96
3. Крутом вода!	99
4. Предательский задок	101
5. Не имеете ли жалоб, гражданин Скворцов?	103
6. Наглядный вред от алкоголя	106
7. Автомобильный насос	109
8. Тур-де-тет	112
9. По следам	113
10. Несомненное ли предательство?	115

Пятая часть

ЧЕРНОЕ ДЕЛО

1. Человек в коверкотовом пальто	118
2. Светопреставление	120
3. «Бандерольное» дело	122
4. «Шеф»	124
5. «Царская стоянка»... С молотка?	126
6. Фальшиво пропетая песенка	128
7. Победа цивилизации	130
8. Санитар с каменным лицом	132
9. Обманутая виселица	134
10. Генеральская халтура	137
11. Налет	139
12. Гвозди... якорь и пакет	142

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.